

ФРИЦ ТИССЕН

Я ЗАПЛАТИЛ ГИТЛЕРУ.
ИСПОВЕДЬ
НЕМЕЦКОГО МАГНАТА.
1939–1945

Фриц Тиссен

**Я заплатил Гитлеру. Исповедь
немецкого магната. 1939–1945**

«Центрполиграф»

Тиссен Ф.

Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939–1945 /
Ф. Тиссен — «Центрполиграф»,

В мемуарах Фрица Тиссена раскрыты основные механизмы одного из самых парадоксальных мировых кризисов, шокирующие подробности проведения антиеврейской кампании и внедрения системы концентрационных лагерей, а также причины поражения Германии во Второй мировой войне. Исповедь разочарованного и подвергнутого гонениям Тиссена внесла неоценимый вклад в разоблачение национал-социалистического режима и подвела итоги жестокого идеологического эксперимента над немецким народом.

Содержание

Предисловие издателя	5
Предисловие автора	11
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	19
Глава 3	27
Часть вторая	33
Глава 1	33
Германии грозит анархия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Фриц Тиссен

Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939—1945

Предисловие издателя

У этой необычной книги необычная история, и рассказать ее необходимо.

Когда в сентябре 1939 года разразилась Вторая мировая война, крупный немецкий промышленник Фриц Тиссен бежал из Германии в Швейцарию. Почти все мировые газеты, журналы, агентства печати и издатели сразу же попытались приобрести его воспоминания или, по меньшей мере, правдивую историю его разрыва с Гитлером и побега из нацистской Германии.

История человека, игравшего величайшую роль в немецкой промышленности, ярого националиста, организовавшего пассивное сопротивление в Руре в 1923 году; человека, который более пятнадцати лет поддерживал Гитлера и финансировал его движение, способствовал приходу нацистов к власти, – это одна из самых необычных историй мировых кризисов. Тиссен верил, что именно нацисты смогут спасти его страну от большевизма, а они в конце концов конфисковали всю его собственность.

Я сам принимал участие в яростном состязании издателей за мемуары Тиссена, и так случилось, что победил. Я должен рассказать, почему я победил и каким образом.

Последние десять лет я возглавлял международное агентство печати Кооперэйшн. Целью этой организации было объединение ведущих государственных деятелей различных стран и публикация их взглядов на состояние дел во всем мире. Первыми стали сотрудничать со мной лорд Сесил, сэр Остин Чемберлен, Артур Хендерсон, Поль Пенлеве, Луи Лушер, Анри де Жувенель и некоторые другие.

В довоенные годы организация разрасталась и стала чуть ли не монополистом в обладании эксклюзивными правами на статьи порядка сотни ведущих мировых лидеров, таких как Уинстон Черчилль, Энтони Иден, Альфред Дафф Купер, лорд Сэмюэль, Эттли, Хью Далтон, Поль Рено, Эдуард Эррио, Леон Блюм, П. – Э. Фланден, Ивон Дельбос, и многих других государственных деятелей Англии, Франции, Испании, Бельгии, Скандинавии и Балканских государств. Статьи почти ежедневно печатались по всему миру в выпусках около четырех сотен газет в семидесяти странах. Американские читатели, возможно, помнят эти статьи, до войны публиковавшиеся на всей территории США группой более двадцати ведущих независимых газет во главе с нью-йоркской «Геральд трибюн».

Я старался освещать все противоречивые точки зрения, существовавшие в Европе, и часто издавал статьи фашистского деятеля Вирджинио Гайда, но никогда не печатал нацистские статьи. В реальности, по мере нарастания кризиса, политика моей организации принимала все более открытый антинацистский характер и, вероятно, была единственной на Европейском континенте структурой такого рода, борющейся с нацистским влиянием и пропагандистским аппаратом Геббельса. Видимо, эти публикации оказывали определенное влияние на общественное мнение, ибо однажды сам Гитлер отдал мне должное, истерически выкрикнув в своей первой после Мюнхенского соглашения речи в Саарбрюккене, что «необходимо остановить эту пропаганду Черчилля, Идена и Даффа Купера...».

Я обязан упомянуть об этом, так как в связи с мемуарами Тиссена мне придется сделать несколько заявлений, которые в данных обстоятельствах могут быть доказаны лишь моей прошлой деятельностью.

Прибыв в Локарно, Тиссен не мог согласиться ни на одну просьбу о публикации, поскольку дал слово чести швейцарскому правительству воздерживаться от каких-либо заявлений или публикаций, пока находится на швейцарской территории. Следовательно, я понимал, что бесполезно встречаться с ним лично, и попытался установить с ним связь через своих друзей. Эти попытки успехом не увенчались. В марте 1940 года Тиссен выехал из Швейцарии в Брюссель, чтобы встретиться с умирающей матерью, и я узнал, что из Брюсселя он отправится в Париж.

3 апреля в мой парижский офис позвонили из редакций лондонской «Санди экспресс» и парижской «Пари суар», с которыми я давно сотрудничал. Мне сообщили, что они изо всех сил стараются заполучить историю мистера Тиссена, но не могут к нему подобраться, и спросили, не могу ли я чем-либо им помочь.

Я немедленно отправился к Полю Рено, премьер-министру и министру иностранных дел Франции. Я объяснил ему политическую важность мемуаров Тиссена, и он безоговорочно со мной согласился. Теперь оставалось убедить Тиссена написать мемуары и поскорее опубликовать их. Я сказал Рено, что знаю человека, который мог бы представить меня Тиссену и, может быть, убедить его доверить мне публикацию мемуаров. К несчастью, этот человек, друг Тиссена, находился в Лондоне и – из-за цензуры и запрещения международных телефонных переговоров – было чрезвычайно сложно связать его с Тиссеном. Рено поручил одному из своих атташе помочь мне и позволил связаться с французским посольством в Лондоне по телефонной линии министерства иностранных дел.

Я провел необычайно драматический день и почти целую ночь в комнате атташе на набережной д'Орсе. Из кабинета Рено я вышел почти в то же время, когда отправлялся экспресс Париж – Брюссель, на котором покидал Брюссель Тиссен. Поскольку мы не знали, где Тиссен собирался остановиться в Париже, сыскную полицию обязали докладывать о его перемещениях. Каждые полчаса мы получали донесения: «Тиссен пересек границу...», «Тиссен проехал Сен-Кантен...», «Тиссен прибыл на Северный вокзал...» и, наконец, «Месье и мадам Тиссен прибыли в отель «Крийон»...».

Я тут же попытался организовать телефонную связь между Тиссеном и нашим общим другом в Лондоне, но удалось это лишь почти через сутки. В конце концов они оба оказались у телефонов и проговорили около получаса по официальной телефонной линии французского министерства иностранных дел без всякой цензуры. На следующий день я получил от Тиссена записку с приглашением навестить его в «Крийоне».

Наша первая, очень сердечная встреча продлилась почти два часа. Тиссен сказал, что готов немедленно опубликовать свои письма, посланные Гитлеру, Герингу и другим официальным лицам после его разрыва с нацистами, и те, в которых он объяснял, почему покинул Германию. На самом деле он уже послал эти письма одному своему другу в Америку для опубликования. Тиссен сказал, что был бы рад, если бы эти письма также издали бы в Англии, Франции и в как можно большем числе стран, но в данный момент больше ничего опубликовать не хотел бы.

Пока Тиссен оставался в Париже, я виделся с ним каждый день и как-то напрямик спросил его: «Вы хотите помочь нам уничтожить Гитлера или нет?» Поскольку он ответил категорическим «Да», я попытался убедить его в том, что его мнение и все имеющиеся у него документы окажут максимальное воздействие, если будут оглашены во время войны, а не после. После третьего или четвертого разговора он начал понимать, что в разгар войны против гитлеризма бесполезно иметь мощное оружие и не пользоваться им немедленно.

Решившись написать воспоминания, Тиссен стремился сделать это как можно быстрее, а свои письма захотел опубликовать еще до завершения книги. Эти письма появились в американском журнале «Лайф» 29 апреля 1940 года. Одновременно они были опубликованы в лондонской «Санди экспресс» и французской «Пари суар».

Тиссену срочно понадобились некоторые документы, оставленные им в хранилищах одного из банков Люцерны в Швейцарии. Я обсудил этот вопрос в министерстве иностранных дел, и в Люцерну был послан специальный дипломатический курьер с заданием привезти документы во Францию. Пробыв неделю в Париже, Тиссен с женой выехали в Монте-Карло. Через четыре дня из Швейцарии привезли документы, и я отправился на Ривьеру со своим секретарем и сотрудником, который должен был помочь Тиссену в работе над книгой. В Монте-Карло Тиссен поселился в «Отель де Пари». Своего сотрудника я разместил рядом в отеле «Бо Риваж», а чтобы избежать внимания бесчисленных итальянских шпионов, которыми кишел тот регион, остановился милях в десяти от «Бо Риваж» в «Гранд-отеле» на мысе Ферра, одном из самых тихих и очаровательных уголков Ривьеры. В отеле было лишь несколько гостей, среди них сэр Невил Хендерсон, бывший британский посол в Германии, к тому времени только что закончивший книгу о провале своей миссии в Берлине. Рядом с отелем находилась вилла бывшего премьера Фландена, которого я часто видел во время своего пребывания на мысе Ферра. Его очень интересовало, почему Тиссен стал таким ярким врагом Гитлера.

На Ривьере я провел почти три недели, работая с Тиссеном день и ночь. Обычно он начинал работу около половины десятого утра и без перерыва диктовал часа три. Диктовал он очень быстро по-немецки и частично весьма бегло по-французски, перескакивая с одного предмета на другой. Сведения рвались из него: он словно не знал, как побыстрее избавиться от них. В час дня во время второго завтрака мы продолжали работу в длительных беседах. Все, надиктованное утром, днем распечатывалось и представлялось Тиссену вечером. Он очень тщательно по два-три раза корректировал каждую страницу и в конце концов одобрял отдельные главы.

В период нашего сотрудничества в Монте-Карло Тиссен произвел на меня неожиданное впечатление. Прежде я никогда с Тиссеном не встречался, и он оказался полной противоположностью созданному в моем воображении образу стального короля, ведущего производителя вооружений и человека, связавшего свою судьбу с нацизмом. Передо мной был очаровательный пожилой джентльмен, необычайно остроумный, с потрясающим чувством юмора. Он любил хорошую еду, изысканные вина, и наши ленчи редко занимали менее трех часов. Я водил его по всем знаменитым ресторанам Ривьеры: в «Шато Мадрид» высоко в горах, в «Бонн Оберж» близ Антиба, «Коломб д'Ор» в романтическом Сен-Поле и во многие другие, славившиеся своей великолепной кухней. Ни один из нацистских лидеров не избежал его уничижительных характеристик, как и очень немногие из его коллег-промышленников. Он рассказал десятки историй о личной жизни германских лидеров, кои, к сожалению, невозможно опубликовать в этой книге.

Говоря о серьезных проблемах и личном опыте, он почти ежедневно прерывал монолог и колотил себя кулаком по лбу, восклицая: «Ein Dummkopf war ich!.. Ein Dummkopf war ich!..» (Каким же идиотом я был!.. Каким же идиотом я был!..) Затем он выражал надежду на быстрое издание своей книги в Америке и неоднократно повторял: «Я очень хочу рассказать американским промышленникам о своем жизненном опыте».

У меня сложилось четкое впечатление, что его чувства к Гитлеру были не просто неподдельными, но глубоко искренними. Тиссен отвечал на все задаваемые мною вопросы, рассказывал все, что знал, за одним исключением: он не желал говорить о точном своем вкладе в нацизм, хотя признался, что где-то в безопасном месте хранит документы на все суммы, потраченные на нацистов. Мне не терпелось заполучить фотокопии расписок и квитанций для иллюстраций этой книги, но он не желал говорить мне о их местонахождении.

10 мая в восемь часов утра я включил радио и услышал голос французского министра информации Фроссара: на рассвете немецкая армия нарушила границы Голландии, Бельгии и Люксембурга – война на Западе началась. В 10 утра я сообщил эти новости Тиссену. Он отреагировал очень своеобразно, побледнел, не хотел верить, сказал, что точно знает: немецкий Генеральный штаб всегда был против наступления на Западе, и единственное объяснение

он видит в том, что таким образом высшее армейское командование стремится избавиться от нацистов, толкая их к неминуемому поражению. Тиссен заявил, что, точно зная объемы производства тяжелой немецкой промышленности, дефицит определенных видов сырья, плохое качество стали, используемой в некоторых отраслях военной промышленности, он уверен в том, что Германия никак не может победить в этой войне. Я так и не смог понять, объяснялся ли поразительный успех Германии исключительной слабостью французской армии или сверхгениальностью нацистских военных деятелей, сумевших скрыть истинное положение дел в военной индустрии даже от председателя сталелитейного концерна.

К концу мая мы почти завершили работу. Тиссен закончил, откорректировал и одобрил к изданию более половины книги. Оставшиеся главы он надиктовал, но необходимо было проверить некоторые даты и факты, что невозможно было сделать в Монте-Карло. Поэтому я вернулся в Париж, четко понимая, что где-то в начале июня придется вернуться в Монте-Карло, дабы получить готовую к немедленному изданию книгу.

Когда я приехал в Париж, немецкая армия уже прорвалась в Седан. Что случилось в течение последующих дней и какой была жизнь в Париже в тот период, знают все. С каждым часом ситуация становилась все опаснее; нечего было и думать о новой поездке в Монте-Карло, не зная, остановят ли немецкую армию и сможем ли мы бежать из Парижа.

Ночью 11 июня я выехал на автомобиле из Парижа и после невообразимой четырнадцатичасовой поездки в условиях, описанных во множестве книг, прибыл в Тур. Я захватил очень мало личных вещей, но со мной были мемуары Тиссена. Два дня спустя я снова был в дороге, ехал в Бордо, а после капитуляции Франции на английском эсминце покинул ее берега. В море я пересел на британское торговое судно, доставившее меня в Англию. Автомобиль и большую часть вывезенных из Парижа вещей я бросил в гавани Бордо, но сумел спасти рукопись Тиссена.

В Лондоне друзья-политики, редакторы газет и издатели убеждали меня издать книгу Тиссена, но я полагал, что не имею на это права, ничего не зная о его судьбе, не зная, нашел ли он безопасное убежище. Месяцами я пытался напасть на его след, но достоверная информация была недостижима. По некоторым источникам, он бежал в Америку, по другим – все еще находился на Ривьере, по третьим – передан французами в гестапо. В такой ситуации я не мог опубликовать ни одной главы из его мемуаров.

Из Англии в Соединенные Штаты я вернулся в феврале 1941 года, надеясь, что сумею выяснить, что же случилось с Тиссеном и где он находится. К несчастью, никто не знал ничего, кроме того, что он наверняка в руках гестапо, иначе его родственники в Южной Америке или его друзья в США получили бы от него хотя бы одну весточку за целый год. Мне пришлось смириться с тем, что он скорее всего находится в концентрационном лагере. Многие месяцы мне казалось, что в таких обстоятельствах эту книгу нельзя издавать, ибо ее публикация почти наверняка повлечет за собой казнь Тиссена.

Я хочу четко определить свою позицию и избежать каких-либо недоразумений. Я не собирался защищать Тиссена. Я всегда понимал, что он был одним из тех людей, кто более других способствовал возвышению Гитлера и приходу к власти в Германии национал-социалистов. Я также знал, что он, вероятно, нес максимальную ответственность за то, что Германия сорвала конференцию по разоружению и что он и его друзья, пожалуй, даже более Гитлера виновны в страданиях, которые нацисты обрушили на мир. Около двадцати лет Фриц Тиссен играл в очень крупную и очень опасную политическую игру, и я ни в коем случае не верю, что перед высшим судом истории его признание «Каким же идиотом я был» послужило бы достаточным доводом для его оправдания.

Однако я не имел никакого отношения к тому Тиссену. Я встретился с ним, когда он был изгнанником. Я заключил с ним соглашение, как издатель с автором, и был убежден: я не имею права публиковать его мемуары, пока не буду совершенно уверен, что он свободен или мертв.

Но месяц шел за месяцем, война затягивалась, все больше и больше людей, общественных деятелей и издателей, пытались убедить меня в том, что здесь нет места личным чувствам, что эта рукопись слишком важный политический и исторический документ, что я не имею права отказываться от ее издания. Они подчеркивали, что если Тиссена действительно отправили в концлагерь, то он почти точно мертв, а если и жив еще, то ничто его не спасет. Если он разделит судьбу других врагов нацизма, заключенных в концлагерь, то наверняка надеялся на то, что его мемуары будут опубликованы, поскольку это единственное оружие, которым он мог нанести ответный удар Гитлеру. И как бы ни сложилась его судьба, ее нельзя принимать во внимание в тот момент, когда свободные народы мира ведут отчаянную борьбу с гитлеризмом и когда публикация этого уникального документа может дать необходимую информацию демократическим странам и помочь им своевременными действиями предотвратить расползание нацизма по Западному полушарию.

После четырнадцати месяцев сомнений и колебаний я в конце концов пришел к выводу, что эту книгу нельзя далее скрывать от общества. Теперь я убежден, что если Тиссен находится в концлагере и если он еще жив, дальнейшая отсрочка издания его мемуаров никоим образом его не спасет. Наоборот, я даже верю и надеюсь, что эта публикация принесет ему некоторое удовлетворение.

И кроме возможного влияния этого издания на его судьбу, мы должны помнить, что вовлечены в борьбу не на жизнь, а на смерть с гитлеризмом, и для нас правильным является все, что может причинить вред Гитлеру. Я считаю, что мы не должны проявлять слабость и поддаваться испытанному и ужасному гестаповскому шантажу, парализующему действия свободных людей, друзей и родственников которых пытаются в концлагерях. Я считаю, что мы должны набраться сил принести в жертву тех, кто находится в руках гестапо, как бы близки они ни были лично нам, и, несмотря ни на что, продолжать борьбу. Мы никогда не сможем разрушить эту чудовищную систему человеческого рабства, если в войне с ней позволим себе руководствоваться не холодным рассудком, а чувствами.

Нападение Гитлера на Россию положило конец моим сомнениям и снабдило меня решающим аргументом в решении издать эту книгу. Сразу же после начала русско– германской войны многие высшие государственные деятели заговорили о том, что Гитлер вернулся к своей прежней программе и он – тот человек, которому суждено спасти нас от коммунизма. Именно против этой величайшей недооценки нацизма хотел предостеречь мир Фриц Тиссен, именно поэтому он решил поделиться со свободными нациями своим личным опытом. Судьба Фрица Тиссена, высокопоставленного германского националиста, могущественнейшего германского промышленника и преданного католика, – яркий пример того, как Гитлер защищает патриотов, промышленников и христиан от коммунизма.

Эмери Ревес, президент
Cooperation Publishing Co., Inc.

* * *

Предисловие автора, вся часть I, главы 1, 2 и 3 части II, главы 3, 5, 6 и 7 части III и глава 3 части IV были просмотрены, исправлены и окончательно одобрены для издания Фрицем Тиссеном.

Остальные главы были им надиктованы, но не исправлены или просмотрены. Некоторые из этих глав содержат повторения; некоторые параграфы находятся не в надлежащем месте. Было бы легко отредактировать эти главы и избежать корявости некоторых разделов, однако мы решили сохранить их в том виде, в каком они были оставлены Тиссеном.

Там, где этого нельзя было избежать, мы добавили ссылки, дабы прояснить некоторые проблемы и обстоятельства, однако весь этот дополнительный материал помечен либо как «Примечание издателя», либо как «Историческая ссылка».

В конце книги также помещен ряд биографических справок об основных персонажах, упомянутых Тиссеном.

Э. Р.

Предисловие автора

Эта книга – не просто история ошибки, трагические последствия которой я сознаю так же, как и все остальные. Мало сожалеть о прошлом; необходимо извлекать из прошлого уроки. Война, в которую Гитлер вверг мир, требует, чтобы все люди, достойные называться людьми, собрались с силами и сражались.

Десять лет до прихода Гитлера к власти я поддерживал его и его партию. Я сам был национал-социалистом и объясню почему. Сегодня, находясь в изгнании за то, что выполнил свой долг и высказался против войны, я хочу внести свой вклад в падение Адольфа Гитлера, рассказав немецкому народу и народам всего мира о том, что представляют собой фюрер и другие так называемые лидеры современной Германии.

Гитлер обманул меня, как обманул немецкий народ и всех людей доброй воли. Возможно, мне и всем другим немцам скажут, что мы не должны были обманываться. Лично я признаю обоснованность этого обвинения. Я признаю себя виновным. Я полностью заблуждался в отношении Гитлера и его партии. Я верил его обещаниям, я верил в его преданность и политический гений. Ту же самую ошибку совершили профессиональные политики.

Гитлер обманул нас всех. Однако, придя к власти, он сумел обмануть иностранных государственных деятелей точно так же, как обманывал немцев до 1933 года.

Если бы я хотел попытаться оправдать себя, я мог бы сказать, что те, кто находился за пределами Германии, были лучше информированы об изначальном преступлении, чем те, кто жил в Германии. Я говорю о поджоге рейхстага. Тем не менее великие европейские страны продолжали поддерживать нормальные дипломатические отношения с нацистскими поджигателями и убийцами. Послы и министры пользовались их гостеприимством, принимали их в своих посольствах и миссиях, пожимали им руки, как порядочным людям. Мы, жившие в Германии, по меньшей мере, можем оправдаться тем, что не знали правды.

Гитлер вооружил Германию до невероятной степени и в неслыханные сроки. Великие державы закрыли глаза на этот факт. Действительно ли они не сознавали опасность или предпочитали ее игнорировать? Как бы то ни было, они ничего не сделали, чтобы воспрепятствовать незаконному перевооружению Германии. Они даже не вооружились сами, чтобы вовремя избежать опасности. С самого начала военные усилия, предпринятые нацистским режимом, казались абсолютно несоразмерными с ресурсами страны. Даже на ранних стадиях я предчувствовал, что это неизбежно приведет к катастрофе.

Однако Гитлер одерживал одну выдающуюся дипломатическую победу за другой; на подобные успехи даже не смели надеяться ни Веймарская республика, ни имперская Германия. Он возродил обязательную военную службу; осуществил военную повторную оккупацию и укрепление Рейнской области, аншлюс Австрии, аннексию Судетской области Чехословакии, вступление в Прагу – три года побед без военных действий! В тот самый момент, когда страной овладевали сомнения и недовольство, лидер новой Германии уже имел возможность разгромить оппонентов в Германии демонстрацией – что ему всегда удавалось – исторического величия достигнутых результатов. А себя самого он объявил величайшим немцем всех времен.

Своим историческим романтическим ореолом национал-социалистический режим был обязан главным образом Мюнхенскому соглашению. В глазах народных масс это соглашение подтвердило непогрешимость Гитлера и дало возможность новым лидерам Германии и в следующем году проводить политику, ввергнувшую немецкий народ в войну, которой оно не желало и которую не предвидело.

Могут задать вопрос, почему в послевоенной Германии, стране дезорганизованной, преследуемой бесконечными экономическими и социальными кризисами и отягощенной колос-

сальным внешним долгом, промышленник вроде меня считал необходимым внести вклад в возрождение, которое посредством консолидации государства помогло бы его стране стать великой державой в мирном сообществе человеческой цивилизации, последующие страницы, возможно, дадут ответ на этот вопрос.

Гитлер – по крайней мере, в это верили я и многие другие немцы – способствовал возрождению Германии, возрождению национальной воли и современной общественной программы. Нельзя также отрицать, что его усилия поддерживались стоявшими за ним народными массами. В стране, имевшей одно время семь миллионов безработных, необходимо было отвлечь эти массы от пустых обещаний социалистов-радикалов. Во время депрессии левые социалисты одержали верх, как почти случилось в революционный период, после катастрофы 1918 года. Однако мои надежды на спасение Германии от этой второй опасности вскоре развеялись как дым. Это разочарование началось почти в самом начале нацистского правления. В последующие семь лет я несколько раз пытался остановить насилие, представлявшее вызов совести человечества. 1 сентября 1939 года я выступил с энергичным протестом против развязывания войны и информировал немецких лидеров о своем намерении призвать мировое сообщество к осуждению их действий.

Однако главная цель этой книги – не пессимистическая оценка ситуации. Деловой человек обязан быть оптимистом, иначе он никогда ничего не предпримет. За двадцать пять лет Европа дважды была ввергнута в пучину войны. Существующий германский режим несет прямую ответственность за катастрофу, обусловленную политикой, как непродуманной, так и преступной. Тем не менее не подлежит сомнению то, что более отдаленные и глубокие ее причины следует искать в конфликте 1914–1918 годов и в мирной конференции, доказавшей свою неспособность разрешить его. Ибо, несмотря на определенные заслуживающие уважения усилия, Версальский мирный договор (1919) не преуспел в установлении политического и экономического порядка, который бы застраховал мир от новой катастрофы.

Во избежание гибели человеческой цивилизации необходимо сделать все для того, чтобы война в Европе стала невозможной. Однако насильственное решение, о котором мечтает Гитлер, примитивная личность, обуреваемая горькими воспоминаниями, является романтической глупостью и варварским, кровавым анахронизмом.

Европа безусловно должна обрести политическую безопасность, такую, как, например, существует в Америке. Иначе погибнет наш старый континент и цивилизация, колыбелью которой является Европа. Чтобы нынешние тяжкие испытания не оказались бессмысленными, они должны привести к созданию Соединенных Штатов Европы в той или иной форме. В этом я убежден.

Возрождение имперских амбиций в сердце Европы, за которое несет ответственность гитлеровская Германия, должно заставить задуматься всех немецких патриотов. В 1923 году я сумел спасти Рейн и Рур и сохранить единство Германии. Я был заключен в тюрьму и осужден вражеским военным трибуналом. Это дает мне право говорить сегодня.

Своим преступным капризом Гитлер угрожает существованию Германской империи, чью ненадежность прекрасно сознавал Бисмарк, ее основатель и созидатель. За почти два десятка лет своего канцлерства, проводя победоносную кампанию против Франции, Бисмарк последовательно проводил осторожную политику, нацеленную на увещевание других держав. Мудрость основателя Германской империи была быстро забыта. Опыт 1914, 1938 и 1939 годов показал, что существование в Европе государства с шестьюдесятью – восьмьюдесятью миллионами подданных, управляемого политиками-империалистами, располагающими огромным военным потенциалом современной промышленности, – постоянная угроза безопасности континента.

В 1871 году гений великого государственного деятеля поставил западную культуру и технику на службу прусской воинственности. Сегодня я вижу в этом союзе основную причину

политической нестабильности в Европе. Восточная Германия с навязанным ей воинственным прусским духом так и не избавилась от своего колониального менталитета завоевателя славян. В ее руках западная техника становится инструментом войны, а не орудием цивилизации.

Более того, семь лет нацистской тирании с мучительной ясностью доказали мне полную несовместимость двух Германий – колониальной, рабской Германии Востока, первоначально населенной славянами, ставшими прусскими крепостными, и Германии Запада, где христианский и римский гуманизм был основной цивилизующей силой. Преследование христианской религии, садистский антисемитизм пруссаков, так чуждые населению Рейнской области, попытки оживить варварское язычество, бесчеловечное в своих нравственных концепциях, убедили меня и многих других в том, что для спасения Германии и Европы требуется восстановление прежнего барьера между двумя народами со столь различными ментальностями. Необходимо охранять свободу, культуру и христианство Западной и католической Германии – страны, безусловно относящейся к Западной Европе.

Душа Западной и Южной Германии стремится к Западу. Ее промышленное и техническое развитие направляет ее к великим океанским дорогам мира. Нацистская концепция «жизненного пространства» в виде территорий, которые предстоит завоевать, бессмысленна для великой промышленной державы, которой для своего мирного господства необходима вселенная.

Такая политическая реорганизация, разумеется, не является конечной целью. Послевоенный мир должен жить и развиваться. Уже существующий экономический хаос несомненно усугубится в результате нынешней войны. Снова встанет вопрос сотрудничества всех людей доброй воли ради возрождения. Осознают ли демократические правительства серьезность этих проблем? Ценную поддержку представляет Америка. Было бы безумием повторить экономические ошибки, совершенные после Первой мировой. Необходимо объединить ресурсы и добрую волю европейских стран и Соединенных Штатов Америки, чтобы подняться из руин и начать сначала. В конце этой войны не встанет, как в 1918 году, вопрос о возмещении убытков. Я надеюсь, что немецкий народ сам определит наказание убийцам, преступникам и фальсификаторам. Пусть мир будет конструктивным; пусть злоба будет изгнана навсегда! Будем работать на будущее и забудем прошлое!

В этой книге я попытался изложить некоторые идеи, к которым я глубоко привязан. Они не являются результатом импровизации. Как главе одного из мощнейших промышленных концернов Германии, мне приходилось двадцать лет преодолевать последствия несовершенного мира. Изгнание подарило мне время на размышления о прошлом, иногда лишь мучительном, иногда трагическом. Результат моих раздумий представлен на этих страницах. Пусть они станут вкладом одного человека доброй воли в грядущее мирное будущее!

ФРИЦ ТИССЕН

Монте-Карло, май 1940 г.

Часть первая

Мой разрыв с гитлеровской Германией

Глава 1

Мой побег из Германии

15 августа 1939 года мы с женой приехали в Бад-Гаштайн в Австрийских Альпах. Мы нуждались в отдыхе. Это был особенно беспокойный и напряженный год.

Говорили, что я поехал в Гаштайн готовить свой побег из Германии. Это неправда. Я действительно выезжал из Германии в начале августа на выставку в Цюрих, но если бы я хотел бежать, то уже тогда остался бы в Швейцарии. В то время я еще не верил, что начнется война. Против войны выступали немецкие генералы. Более того, мне рассказывали о заявлениях Тербовена, одного из близких друзей Германа Геринга и гаулейтера Эссена, из которых можно было сделать вывод, что все это просто дипломатическая игра и никто в правительстве даже не помышляет о вооруженной авантюре. Заявления Тербовена воспринимались как выражение личного мнения Геринга. В начале августа Геринг выступил против военных действий и лишь в последний момент изменил точку зрения. Таким образом, выезжая в Гаштайн, я был вполне умиротворен.

23 августа я узнал ошеломляющие новости о пакте, заключенном Гитлером и Сталиным. Переговоры длились долго, но я и представить не мог, что они зайдут так далеко. Без этого соглашения с Россией Гитлер никогда бы не решился на Польскую кампанию. Французские и британские послы недвусмысленно предупреждали, что их страны не потерпят нападения на Польшу. Наш посол в Париже граф Вельбек официально информировал немецкое правительство о том, что нападение Германии на Польшу послужит сигналом к началу полномасштабной войны.

Ситуация сложилась совершенно определенная. Ни Франция, ни Великобритания не смирились бы со вторым Мюнхеном. Как же случилось так, что ни Гитлер, ни Риббентроп этого не поняли? Годом ранее семидесятилетний британский премьер-министр впервые в своей жизни воспользовался самолетом и прилетел в Германию на переговоры с Гитлером. С той же целью французский премьер посетил Мюнхен. Было достигнуто соглашение, по которому Германия получила все, что хотела. Успех был беспрецедентным. Ни один германский император не мог похвастаться достижениями, сравнимыми с этим успехом. Выдающийся государственный деятель уровня Бисмарка осознал бы, что Мюнхен – исключительный дар богов, и сделал бы все, что в его силах, лишь бы избавить две великие западные державы от чувства унижения, и прежде всего посвятил бы себя мирному упрочению столь легко достигнутых результатов.

А что сделал Гитлер? 13 марта 1939 года он вторгся в Чехословакию, чью территориальную неприкосновенность пообещал уважать. Мне это показалось чудовищным. Нарушение торжественного обещания в таких условиях означало оскорбление двух великих держав, а нацистам, вероятно, показалось проявлением гениальности величайшего политика, коего знал мир (именно таким Гитлер сам считал себя). Мне же и многим другим немцам это казалось чистейшим безумием – прыжком к катастрофе. Я скептически относился к возможности урегулировать спор с Польшей с помощью второго Мюнхена. Две великие державы, объединившиеся и располагающие колоссальными ресурсами, не поддались бы на один и тот же обман дважды.

Новости о подписании соглашения со Сталиным встревожили меня. Однако, полагаясь – может быть, слишком – на собственное знание ситуации, я все еще верил, что этот эпизод

– просто еще один в ряду эффектных эпизодов, характерных для режима. Насколько я мог судить, в Париже и Лондоне советско-германский пакт о ненападении не поколебал решимости обеих демократий к вооруженному отражению любого нового акта насилия. Меня это не удивляло. Любая другая политика была бы равносильна капитуляции западных держав, то есть чистому самоубийству. Но я все еще не верил в возможность войны.

25 августа мне порекомендовали отправиться в Берлин на заседание рейхстага. Неожиданность подобных созывов была симптоматична для роли, к которой свели это законодательное собрание. Прежде все вопросы серьезно изучались, докладывались комитетами, а затем созывалась рабочая сессия рейхстага. Сегодня все изменилось. Депутатов время от времени приглашают выслушать очередное заявление Гитлера. Это срежиссированный спектакль, единственная цель коего – пропаганда. Члены рейхстага играют роли без слов в дешевой драме. Я лично всегда считал, что, как депутат рейхстага, несу определенную ответственность и обязан выражать свое мнение. Заседание, назначенное на 25 августа, было отменено. И снова я попытался подбодрить себя.

Тем временем мой зять, граф Зичи, приехал навестить нас в Гаштайн вместе с моей дочерью Анитой и моим внуком, которому тогда было два с половиной года. Они намеревались провести с нами неделю. Их визит был совершенно незапланированным. Штраубинг в Южной Баварии, где они жили, находится всего лишь в нескольких часах езды на автомобиле от Гаштайна. Я все еще полагал, что нет никакой особой причины для волнений.

Однако вечером 31 августа я получил телеграмму от гаулейтера Эссена с инструкцией отправиться в Берлин и присутствовать на заседании рейхстага, назначенном на следующее утро в «Кроль-опере». Я вдруг осознал серьезность ситуации. Я физически не мог попасть в Берлин за такой короткой срок. Пришлось бы ночью мчаться на автомобиле, чтобы сесть на первый утренний самолет из Мюнхена, и даже при наилучшем стечении обстоятельств я едва бы успел к концу заседания. В любом случае при моем здоровье подобное напряжение было мне противопоказано. Поэтому я решил извиниться за отсутствие на заседании и выразить свое категоричное мнение. Часов в девять вечера я послал президенту рейхстага Герингу срочную телеграмму следующего содержания:

«Получил от районной администрации Эссена (Gauleitung) приглашение вылететь в Берлин. Не могу принять это приглашение из-за неудовлетворительного состояния здоровья.

По моему мнению, стоило бы согласиться на нечто вроде перемирия, дабы выиграть время для переговоров. Война приведет к сырьевой зависимости Германии от России и поставит под угрозу ее статус мировой державы.

(Подпись) *ТИССЕН*».

Таким образом, несмотря на все препятствия, я чувствовал, что выполнил свой долг свободного человека и ответственного депутата рейхстага: высказал правительству свое категоричное антивоенное мнение. Должен добавить, что в тот момент я не собирался покидать Германию, хотя перспектива того, что ни генералы, ни кто-либо еще не смогут сопротивляться капризу Гитлера, вызвала во мне возмущение и отвращение.

На следующее утро мой зять предложил прослушать по радио так называемое «историческое заседание», на котором я должен был присутствовать. Я резко отказался выслушивать причины, которые Гитлер привел бы в оправдание своего безумия.

Накануне днем я получил телеграмму от моей сестры; она сообщала, что только что в концентрационном лагере Дахау умер ее зять и мой племянник фон Ремниц. Об обстоятельствах его смерти я ничего не знал. До аншлюса Ремниц был лидером австрийских легитимистов (то есть сторонников габсбургской монархии) в провинции Зальцбург. После аннексии Австрии зальцбургские нацисты попытались его шантажировать. «Внесите вклад в партий-

ный фонд, – заявили они, – и вам не придется расплачиваться за вашу легитимистскую деятельность». Племянник отказался, сказав, что в независимой Австрии его политическая деятельность считалась абсолютно законной. На следующий день его арестовали и отправили в Дахау. Я попытался связаться с гаулейтером Вены и имперским комиссаром по воссоединению Австрии с рейхом Бюркелем, чтобы обсудить освобождение фон Ремница, но тот даже не потрудился ответить на мою просьбу. Это стало еще одним реальным доказательством преступного беззакония, царившего в Германии, против которого я и прежде неоднократно протестовал в авторитетных кругах.

Обо всем этом я размышлял, пока зять слушал по радио речь Гитлера. Несколько минут спустя он вошел, совершенно обескураженный. «Гитлер заявляет, что немецкая армия вошла в Польшу, – сказал он. – Это означает войну. А еще Гитлер заявил: «Кто не со мной, тот – предатель, и с ним будут обращаться как с предателем».

Эта зловещая фраза была ответом на мою телеграмму. Ее значение совершенно ясно показала страшная смерть в Дахау моего племянника.

Если бы я остался в Германии, то подверг бы опасности и собственную жизнь, и жизнь всех, кто мне дорог. С согласия жены и зятя я принял решение покинуть страну. По воле Провидения нам не пришлось расставаться в столь критический момент. Я бы никогда не уехал, если бы пришлось оставить детей заложниками гестапо.

Мы выехали в семь утра 2 сентября. У меня был собственный автомобиль, а дети приехали ко мне на своих машинах. Мы отправились без багажа, как будто на прогулку. Одна из обычных экскурсий – вокруг Гаштайна по новому альпийскому шоссе, построенному прежним австрийским правительством, затем по перевалу Глокнер в Италию и обратно по перевалу Бреннер. Вскоре после того, как мы выехали из Гаштайна, путь нам преградил оползень. Накануне ночью здесь пронеслась сильнейшая буря; массы грязи и камней сделали дорогу непроезжей, и рабочие занимались ее расчисткой. Старший сказал мне, что движение вскоре восстановится. Мы прождали три часа, притворяясь совершенно безразличными. В конце концов расчистили достаточно места для проезда. На границе шофер, не посвященный в наши планы, показал мои документы, включая и удостоверение депутата рейхстага, и сказал, что мы едем на обычную экскурсию. Я из машины не выходил. Пограничники пропустили нас, объяснив, что мы должны вернуться на территорию Германии в течение трех часов. Оказавшись у поворота на перевал Бреннер, мы повернули не направо, а налево и поехали по направлению к Италии и Швейцарии. Я не хотел задерживаться в Италии, поскольку она, как все ожидали, могла вступить в войну. Остановились мы в первой же швейцарской деревушке Ле-Пре. Мы были спасены.

Я сразу же набросал меморандум, намереваясь при первой же возможности отослать его Герингу:

«МЕМОРАНДУМ

31 августа в девять часов вечера я послал следующую телеграмму маршалу Герингу. [Телеграмма процитирована выше.]

На заседании рейхстага 1 сентября Гитлер сказал: «Кто не со мной, тот – предатель, и с ним будут обращаться как с предателем».

Я считаю это заявление не только угрозой, но и посягательством на права депутата рейхстага, которые принадлежат мне по нашей конституции.

Я не только имею право на выражение своего мнения, но обязан делать это, если убежден, что Германию подвергают великой опасности. Гитлер не имеет права угрожать мне, если я выражаю свое мнение.

Сейчас, как и прежде, я выступаю против войны. Поскольку война уже разразилась, Германия должна сделать все возможное, дабы закончить ее как можно скорее, ибо чем дольше она длится, тем более суровыми для Германии будут условия мирного договора.

Польша не нарушала договора с Германией, договора, который сам Гитлер неоднократно называл гарантией мира. [Здесь следует вспомнить речь Гитлера от 26 сентября 1938 года.]

Для сохранения мира Германия должна соблюдать все параграфы своей конституции. Нарушение конституции в конце концов приводит к анархии. Клятва верности, данная каждым отдельным гражданином, действительна только в том случае, если и лидеры действуют в соответствии со своими обязательствами.

На заседании рейхстага 1 сентября отсутствовало сто депутатов. Места отсутствовавших заняли функционеры нацистской партии. Я считаю это грубым нарушением конституции и выражаю протест.

Я требую информировать немецкий народ о том, что я, как депутат рейхстага, голосую против войны. Если остальные депутаты действовали так же, общество должно быть об этом информировано.

31 августа, как раз перед тем, как я послал вышеупомянутую телеграмму фельдмаршалу Герингу, мне сообщили телеграммой, что в Дахау скоропостижно скончался некий господин фон Ремниц. Господин фон Ремниц – зять моей сестры, баронессы Берг, проживающей в Мюнхене. Он был интернирован сразу же после аншлюса, очевидно, из-за того, что принимал участие в деятельности легитимистов до аншлюса. Сразу же после его ареста я обращался к гаулейтеру Бюркелю в Вену, но не получил никакого ответа. Это характерно для нынешней Германии. Я требую информации о том, была ли смерть господина фон Ремница естественной или нет. В последнем случае я сохраняю за собой право предпринять дальнейшие меры».

Я собирался отправить меморандум курьером, чтобы быть уверенным в том, что он попадет в руки маршала Геринга. Такая возможность представилась лишь двадцать дней спустя, когда один из моих служащих приехал ко мне в Ле-Пре по делу. Я закончил и доверил ему меморандум, попросив отвезти его в Берлин и вручить маршалу Герингу лично. Но служащий не осмелился выполнить мою просьбу. Он лишь согласился отвезти запечатанное письмо господину Тербовену, гаулейтеру Эссена, который и должен был переслать его маршалу Герингу.

На следующей неделе, 26 сентября, доктор Альберт Фёглер, вице-президент концерна «Объединенные сталелитейные заводы», председателем которого я являюсь, приехал ко мне в Цюрих. В Германии распространились новости о моем отъезде. Впервые об этом объявило французское радио примерно 12 сентября. Геббельс выступил с опровержением. «Что может быть естественнее, – заявил он репортерам, – чем пара недель отпуска для промышленника, напряженно работавшего несколько последних лет?» Долгое время официальный Берлин пытался скрыть факт моего отъезда и его причины.

Доктор Фёглер приехал ко мне за информацией, ибо ни один человек как в Дюссельдорфе, так и во всем промышленном регионе не знал, что и думать. Он также передал мне любопытное устное послание от Тербовена. Гаулейтер Эссена, получивший мое письмо, сказал, что не смог взять на себя смелость передать мой меморандум маршалу, поскольку счел его слишком грубым. В то же время он письменно заверил меня, что Геринг вовсе не получал моей телеграммы от 31 августа, а фюрер, называя предателями тех, кто не разделяет его мнения, и грозя им наказанием, вовсе не имел в виду меня.

Тербовен добавил, что маршал Геринг гарантирует мне отсутствие любых личных или экономических санкций, если я немедленно вернусь в Германию. Однако мне приказали привезти в Германию все рукописные копии вышеупомянутого меморандума от 20 сентября, чтобы уничтожить их вместе с оригиналом.

Таким образом, мне предложили возможность публично отречься от моих политических взглядов в обмен на личный иммунитет в Германии, такой, как я уже получил за границей благодаря статусу депутата рейхстага, а также дали понять, что я понесу материальные убытки, если не вернусь.

Это было странное послание. С одной стороны, Тербовен уверял меня, что Геринг не получал ни письма, ни телеграммы. С другой стороны, он передавал ответ маршала на меморандум, о котором тот якобы ничего не знал.

Фёглер приводил всевозможные аргументы личного характера. Наш разговор длился три часа. Я заговорил о смерти племянника в Дахау: «Вы должны понять, что после этого я вовсе не спешу возвращаться. Сначала пусть опубликуют мой меморандум и представят объяснения по поводу господина фон Ремница. Затем, если пожелают, я напишу второе письмо Герингу, где изложу свою точку зрения. Спросите, как в Берлине к этому отнесутся». Фёглер позвонил и сообщил, что им не нужно еще одно письмо от меня, но я все равно написал. Это письмо будет приведено далее.

Я было подумал предложить нацистским лидерам связаться с Францией и Англией с целью проведения мирных переговоров. Я мог бы стать посредником, поскольку был категорическим противником войны. Однако я отказался от этой идеи, опасаясь быть обманутым нацистами. Я сказал Фёглеру, что мое возвращение в Германию будет зависеть от того, опубликуют ли мой меморандум, а также попросил его сделать все возможное, чтобы узнать, как умер мой племянник.

Позже я узнал, что в конце сентября, после вручения меморандума Герингу, гестапо произвело обыск в моем доме в Мюльхайме. Естественно, там ничего не нашли (кроме, возможно, писем Геринга, где маршал уверял меня в своей вечной благодарности и дружбе). В Германии все знают, как опасно хранить слишком много документов. Тем временем, в один прекрасный день, в Цюрихе появился один очень возбужденный немец. «Гестапо намекает, что в вашем доме найдены документы, компрометирующие других промышленников! – воскликнул он при встрече. – Умоляю, скажите, правда ли это!» Я успокоил его, сказав, что это не может быть правдой и что, предвидя последствия, я предпринял всевозможные меры предосторожности. Бедняга явно испытал облегчение. Я не называю его имени, поскольку он вернулся в Германию.

Глава 2

Окончательный разрыв с Гитлером

Фёглер уехал в Берлин и больше со мной не связывался, хотя обещал информировать меня о расследовании таинственной смерти моего племянника в печально известном лагере Дахау. Перед отъездом Фёглер умолял меня вернуться в Германию, а я ответил, что вернусь только в том случае, если немецкое правительство опубликует мой меморандум от 20 сентября, адресованный маршалу Герингу. Никакого ответа я не получил, но все ждал публикации меморандума в Германии.

Не только Фёглер оказывал на меня давление. После объявления войны меня в Швейцарии навестили несколько человек, даже не пытавшихся скрывать свое недовольство режимом. «Теперь, когда война объявлена, – говорили они, – все должны сплотиться вокруг Гитлера, ибо он олицетворяет Германию». На все подобные попытки заставить меня изменить решение я отвечал: «Нет. Этот человек приведет немецкий народ к катастрофе. Мое решение непоколебимо».

Нацистские лидеры ожидали, что я смалодушничая, отрекусь от своих убеждений, еще будучи свободным человеком. Однако я отказался возвращаться в Германию. Я не пожелал отречься от своих политических убеждений. В конце концов, чего стоили слово Геринга и его «гарантия» моей безопасности? Геринг, всесильный Геринг, не смог защитить одного из глав собственного департамента от простого нацистского гаулейтера. Он отдал в руки гестапо и жаждущего мщения Гиммлера немецкого пастора Мартина Нимёллера, оправданного судом. Геринг поступил так, решив, что не в силах далее защищать его, и несмотря на то, что его собственная сестра, фрау Ригль, была одной из последовательниц Нимёллера. Нимёллер, в прошлой войне командовавший подводной лодкой, был тайно заключен в концлагерь Ораниенбург и томился там несколько лет.

Я не собираюсь делать никаких признаний, противоречащих моей совести. Пока Гитлер и его люди находятся у власти, нога моя не ступит на землю Германии. Вот что я собирался сказать Герингу в ответ на его приглашение и сомнительные гарантии. Сразу же после отъезда Фёглера я написал следующее письмо – послание, которое, как я уже упоминал, власти не пожелали получить.

«Цюрих, 1 октября 1939

Глубокоуважаемый!

На мое письмо и приложение от 22 сентября 1939 года, отправленные с посыльным гаулейтеру Тербовену для последующей передачи, я получил от гаулейтера следующий ответ:

«От имени фельдмаршала Геринга заявляю, что он лично не получал ни письма, ни телеграммы, и также в его офисе не получали никакого подобного документа. Это достаточное доказательство того, что последняя фраза речи фюрера никоим образом не может относиться ни к одной конкретной персоне. Если автор письма немедленно вернется, маршал гарантирует, что не будет никаких личных либо экономических последствий».

Привожу свои замечания относительно этого заявления:

1. Представляется абсолютно невероятным, что моя срочная телеграмма из Бад-Гаштайна от 31 августа не была получена. Телеграмма, адресованная маршалу Герингу, никак не может затеряться в Германии. Более того, мое письмо не могло не добраться до пункта назначения, иначе гаулейтер не послал бы приведенный выше ответ.

2. Возможно, моя телеграмма не прибыла вовремя, несмотря на то что я послал ее сразу же после получения приглашения на заседание рейхстага. Допускаю даже, что моя телеграмма

не повлияла на речь канцлера Гитлера. Обстоятельства тем не менее убедили меня в обратном, поскольку, как полагаю, лишь я один осмелился выразить несогласие.

3. Я никогда не просил у Вас защиты ни от личных, ни от экономических последствий моих действий. Не понимаю, как Вы пришли к подобным выводам.

4. Я действительно по просьбе генерала Людендорфа поддерживал партию с 1923 года и с тех же пор неизменно выполнял пожелания ваши, Гитлера, Гесса и других. Однако я никогда, подчеркиваю, никогда, не обсуждал свои экономические решения ни с Вами, ни с остальными. Лишь трижды – к сожалению, слишком мало – я упрекал Вас в следующем.

Во-первых, когда Вейцель, которого Вы ввели в государственный совет, распространил неприличный, скандальный памфлет против католической церкви, церкви, которой я привержен еще более, чем когда-либо. Все меры, принятые мною тогда, оказались тщетными.

Во-вторых, 9 ноября 1938 года, когда евреи были ограблены и подвергнуты мучениям крайне трусливо и крайне жестоко и главный мировой судья Дюссельдорфа, лично Вами назначенный, был изгнан и едва избежал насильственной смерти.

Мои возражения остались не услышанными. И тогда я в знак протеста вышел из состава государственного совета и предложил прусскому министру финансов прекратить выплату моего жалования. Это не произвело никакого впечатления. Выплаты продолжают, но переводятся на специальный счет в Тиссен-банке и доступны.

И в-третьих, когда случилось худшее и Германия снова ввергнута в войну без каких-либо рассматриваний вопроса в государственном совете либо в парламенте, я самым решительным образом заявляю Вам, что выступаю против этой политики и не откажусь от своего мнения невзирая на обвинения в предательстве. Это обвинение – с учетом того, что в 1923 году я, безоружный человек, не защищенный вооружением стоимостью в девяносто миллиардов марок, организовал пассивное сопротивление в районах, оккупированных врагом, и тем самым спас Рейн и Рур, – почти так же смехотворно, как тот факт, что национал-социализм неожиданно отказался от своих доктрин, чтобы завести дружбу с коммунизмом.

Даже с практической точки зрения эта политика равносильна самоубийству, ибо единственная сторона, которой она принесла дивиденды, – это вчера еще смертельный враг нацизма, ныне превратившийся в друга, – Россия, страна о которой ближайший советник фюрера Кепплер, выступая на заседании совета директоров Рейхсбанка, всего несколько месяцев назад сказал: «Ее необходимо германизировать до самых Уральских гор».

На данном этапе я могу лишь обратиться к Вам и фюреру с настоятельной просьбой отказаться от политического курса, успешное проведение коего бросит Германию в объятия коммунизма, а провал будет означать гибель Германии. Постарайтесь найти способ предотвращения катастрофы.

В любом случае Германия должна восстановить конституционные нормы, дабы вернуть смысл договорам и соглашениям, закону и порядку.

В заключение я хочу выразить сожаление, что вместо откровенного разговора с Вами мне приходится писать из-за границы. Однако вы понимаете, что в моем случае было бы чрезвычайно глупо действовать иначе, учитывая судьбу политических противников, допустим, с 1934 года. Тот факт, что эти методы не изменились, подтверждает дело Ремница, который, как указано в моем письме от 22 сентября, умер в Дахау, и никто не позаботился сообщить о причине его смерти. Однако я не ожидал, что герр фон Риббентроп, не колеблясь, конфискует собственность покойного.

С уважением

(подпись) *ФРИЦ ТИССЕН*, депутат рейхстага».

Один из моих знакомых отправил это письмо с почты в Гейдельберге, зарегистрировав его на мое имя.

Это был окончательный разрыв. С того момента, как я честно информировал Геринга, я становился политическим противником национал-социалистов, которым помогал захватить власть. Я собирался остаться за границей, чтобы сохранить право на выражение собственного мнения и свободу действий.

Геринг до сих пор не признал получение моего письма. Но на этот раз у меня были причины подозревать, что он его получил, ибо 13 октября 1939 года гестапо наложило арест на всю мою собственность в Германии. Наверняка это был ответ на мое письмо. Мистер Рейнгардт, управляющий Коммерческим и Частным банком, глава Ассоциации германских частных банков, разослал всем немецким банкам секретный циркуляр, текст которого мне передали. Циркуляр гласил:

«На основании письма от 13 октября, присланного мне из управления тайной государственной полиции, находящегося в Берлине, я обращаю внимание всех членов нашей Ассоциации на следующее распоряжение, отданное государственной полицией Дюссельдорфа.

Во исполнение приказа маршала Геринга комиссару национальной обороны четвертого военного округа, гаулейтеру и старшему президенту Тербовену все состояние объявленного государственным преступником доктора Фрица Тиссена, Мюльхайм-Рур, Шпельдорф, переводится под контроль государства в соответствии с параграфом I декрета от 28 февраля 1933 года и параграфом I закона о тайной полиции. Единственный, кто уполномочен распоряжаться этими средствами, – доверенное лицо маршала Геринга, а именно комиссар национальной обороны, гаулейтер, старший президент Тербовен.

Поскольку не представляется возможным точно оценить состояние герра Тиссена и его жены, приказываю вам разослать всем банкам конфиденциальный циркуляр с требованием в течение пяти дней после получения этого распоряжения сообщить обо всех счетах, депозитах и банковских депозитных ячейках на имя Фрица Тиссена и его жены, урожденной Амалии цур Хелле, родившейся 9 декабря 1877 года в Мюльхайм-Руре. Это сообщение отправить в штаб-квартиру полиции в Дюссельдорф на имя старшего советника доктора Хассельбахера или его заместителя.

Хайль Гитлер!

Руководитель экономической ассоциации

Германских частных банков

(подпись) *Рейнгардт*».

Гаулейтер Тербовен назначил доверенным нацистского банкира Курта фон Шредера из кельнского банка Штейна. Шредер назначение принял.

Не вполне ясна юридическая фразеология текста этого приказа о наложении ареста на имущество. Можно опротестовать эту меру в отношении собственности моей жены, которая не совершала никаких преступлений *lese majeste*¹ против режима. Этот приказ практически базируется на законе, предоставляющем гестапо неограниченную власть. Ни один суд в Германии не имеет права оспаривать меры, принимаемые зловещим гестапо, даже когда оно посягает на свободу личности.

На самом деле этот арест имущества, обычно предварявший конфискацию, проводился в целях оказания на меня давления. Нацистские власти предпочитали выжидать, прежде чем принимать окончательное решение. А вдруг бы я оказался сговорчивым. Но я не дрогнул.

Два месяца спустя, 14 декабря 1939 года, официальная немецкая газета *Reichsanzeiger* объявила о том, что государство Пруссия конфисковало мое состояние на основании закона

¹ Покушение на высшую власть (*фр*).

от 26 мая 1933 года о конфискации собственности коммунистической партии! Потрясающее бесстыдство.

Газетная публикация, подписанная в Дюссельдорфе главой правительства провинции, не опиралась на законный приговор суда. Пресса получила официальное распоряжение не упоминать об этом. Иностранные журналисты в Берлине, интересовавшиеся моим делом, также не обратили на это внимания.

Во всей этой истории поражала одна деталь. Конфискация осуществлялась государством Пруссия, а не правительством рейха. Однако, в сущности, собственность состояла главным образом из акций крупных промышленных предприятий, сталелитейных заводов, имевших огромное значение для национальной обороны. В обычных обстоятельствах при конфискации они должны были перейти рейху, но в этом случае никто не принял бы в расчет Геринга. Геринг же был не только президентом рейхстага, но и премьер-министром государства Пруссия! Геринг часто бывал у меня в гостях в Шпельдорф-Мюльхайме² и всегда восхищался маленькой, но весьма ценной коллекцией картин и гравюр; некоторые из них я дарил жене начиная с нашей свадьбы в течение сорока лет. Геринг – словно дитя; хочет иметь все, что видит. Конфискуя мою собственность от имени прусского государства, он мог не сомневаться в том, что эти картины, гравюры XVIII века и другие предметы искусства от него не ускользнут. Ибо Геринг – фактический властелин Пруссии. Он не раз это демонстрировал. И сейчас ему было недостаточно просто снять картины со стен моего дома в Мюльхайме и унести их. Он совершил набег на дом моего зятя в Штраубинге в Баварии, где завладел картинами, принадлежавшими моей дочери и ее мужу. И это при том, что мой зять – венгерский подданный.

Эти незначительные детали могут показаться несколько смешными. Тем не менее они очень важны с экономической точки зрения, ибо моя доля в крупнейшем германском металлургическом концерне «Объединенные сталелитейные заводы» не перешла к рейху, а была захвачена Пруссией. Очевидно, у Геринга были определенные мысли на этот счет. Действительно, владение большим количеством акций сталелитейных заводов могло спасти концерн «Рейхсверке Герман Геринг» от банкротства. В дальнейшем я подробнее расскажу об этом металлургическом предприятии.

Вышеупомянутая заметка была напечатана в официальной Gazette 14 декабря. Мне сообщили о ней чуть ли не под Рождество, и я немедленно решил написать напрямую Гитлеру, как главе немецкого государства, и выразить протест против этого совершенно незаконного акта, объяснить ему лично причины моего поведения, а также сформулировать мои мысли относительно его политики. Привожу текст своего письма:

«Люцерн, 28 декабря 1939

Сэр!

Я только что прочитал в официальной Gazette, № 293, 14 декабря 1939, следующую заметку:

«Во исполнение закона от 26 мая 1933 года относительно конфискации коммунистической собственности (sic) (Reich Statutes Bulletin, № 1, с. 293) и в соответствии с параграфом I декрета от 31 мая 1933 года (закон № 39) и законом от 14 июля 1933 года, касающимися конфискации собственности врагов народа и государства (Reich Statutes Bulletin № I, с. 479), все движимое имущество доктора Фрица Тиссена, бывшего жителя Мюльхайм– Рура, ныне проживающего за границей, вместе с его недвижимостью конфискуется государством Пруссия. После опубликования этого указа в немецкой официальной Gazette и прусской государ-

² При обыске моей резиденции гестапо, должно быть, обнаружило многочисленные письма Геринга ко мне с уверениями в его вечной благодарности и дружбе. Я не сомневаюсь в том, что Генрих Гиммлер, как глава гестапо, аккуратно сложил эти письма в досье под именем Геринг, которое тщательно хранит по сей день. (Примеч. авт.)

ственной Gazette вышеупомянутое имущество переходит в собственность государства Пруссия. Этот указ обжалованию в судебном порядке не подлежит.

Дюссельдорф, 11 декабря 1939.

Окружной управляющий

Редер».

Не указаны причины принятия этой меры. Отмечаю, что против меня не было проведено ни юридического, ни административного расследования. До сего дня я не получал никаких посланий от немецкого правительства, кроме привезенного мне доктором А. Фёглером от имени гаулейтера Эссена, в котором меня просили отозвать меморандум, представленный мной, как депутатом рейхстага, и уничтожить копии. Если это будет выполнено, то не последует никаких личных и экономических санкций. Известно, что я отверг это мирное предложение, так как мои политические взгляды, как депутата рейхстага, не являются предметом купли-продажи. Более того, меня никогда не просили отчитаться ни за мои личные или политические пристрастия, ни за что-либо еще. На самом деле ваш министр пропаганды выступал против каких-либо действий против меня. Таким образом, конфискация моей собственности, о чем объявлено в официальной Gazette, тем более направленная против привилегированного депутата рейхстага, является неприкрытым и грубым нарушением закона, противоправным и неконституционным действием. Я категорически протестую против этой меры и заявляю, что правительство рейха, и в особенности все те, кто принимал и до сих пор принимает участие в этой конфискации, главным образом назначенный доверенный барон фон Шредер из Кельна, несут личную ответственность. Придет час, когда я встану на защиту своих прав. В особенности предупреждаю Вас не трогать имущество моей жены, моих детей, графа и графини Зичи, а также наследство моего отца, Августа Тиссена, одного из основателей германской тяжелой промышленности.

Совесть моя чиста. Я знаю, что не совершал никакого преступления. Моя единственная ошибка в том, что я верил в Вас, наш лидер Адольф Гитлер, и в созданное Вами движение, верил со страстью человека, пылко любящего мою родную Германию. С 1923 года я много жертвовал на национал-социалистическую партию, боролся словом и делом, не прося для себя наград, просто вдохновленный надеждой на возрождение несчастного немецкого народа. События, последовавшие сразу же за приходом национал-социалистов к власти, казалось, оправдывали эту надежду, по меньшей мере, пока герр фон Папен был вице-канцлером, герр фон Папен, который предложил Гинденбургу назначить Вас канцлером. Перед ним в гарнизонной церкви Потсдама Вы торжественно поклялись уважать конституцию. Не забывайте, что своим восхождением к власти Вы обязаны не великому революционному подъему, а либеральному порядку, который Вы поклялись поддерживать.

Затем развитие событий приняло зловещий характер. Преследование христианской религии, вылившееся в жестокое преследование священников и осквернение церквей, вызвало мои возражения еще в первые дни, например, когда полицией-президент Дюссельдорфа подал протест маршалу Герингу. Это не принесло никаких результатов.

Когда 9 ноября 1938 года по всей Германии евреев ограбили и подвергли мучениям крайне трусливо и крайне жестоко, а их храмы сровняли с землей, я также протестовал. Подкрепляя свой протест, я подал в отставку с поста государственного советника. И это оказалось безрезультатным.

Теперь Вы нашли компромисс с коммунизмом. Ваш министр пропаганды даже осмеливается заявлять, что честные немцы, голосовавшие за Вас, как за противника коммунизма, по сути идентичны кровавым революционерам, ввергнувшим Россию в пучину страданий, и которых Вы сами заклеили (Майн кампф, с. 750) «жестокими, запятнанными кровью преступниками».

Когда страшная катастрофа стала свершившимся фактом и Германия снова вовлечена в войну без согласия парламента или консультаций с ним, я категорически заявляю, что решительно возражал против этой политики.

Мой долг, как депутата рейхстага, выражать свое мнение и отстаивать его. Когда людям, особенно народным избранникам, которые в глазах всего мира несут ответственность за свою страну, не позволяют выражать свое мнение – это преступление против немецкого народа. Я не могу покориться этому игу. Я отказываюсь покрывать своим именем Ваши деяния, несмотря на Ваше заявление на заседании рейхстага 1 сентября 1939 года: «Кто не со мной, тот – предатель, и с ним будут обращаться как с предателем».

Я осуждаю политику последних нескольких лет; более всего я осуждаю войну, в которую Вы легкомысленно втянули немецкий народ и за которую Вы и Ваши советники должны нести полную ответственность. Мое прошлое ограждает меня от обвинения в предательстве. В 1923 году я, безоружный человек, организовал пассивное сопротивление на оккупированных территориях, подвергая себя колоссальной опасности, и тем самым спас Рейн и Рур. Я предстал перед вражеским военным трибуналом и бесстрашно провозгласил свое мнение, как немец. Но именно это убеждение не позволяет мне отказаться от истинных идей и первоначальной доктрины национал-социализма, которые, как Вы сами объясняли в моем доме, по существу, тождественны принципам германской монархии и должны привести к умиротворению общества и стабильному порядку. Я позволю себе напомнить, что Вы поручили мне продолжить Institut für Standwesen в Дюссельдорфе в этом смысле. Правда, год спустя Вы предоставили меня самому себе; Вы одобрили интернирование в дурной славы концлагерь Дахау директора института, назначенного мной по согласованию с герром Гессом. В Дахау, мой канцлер, где внезапная смерть постигла моего племянника. Его замок Фушль близ Зальцбурга бросили, как подачку, герру фон Риббентропу, и он бесстыдно принимал там министра иностранных дел Италии и посланца Муссолини.

Далее напоминаю Вам, что Геринга точно не посылали в Рим навестить папу римского и в Дорн на встречу с бывшим кайзером, дабы подготовить их к надвигающемуся альянсу с коммунизмом. И все же Вы неожиданно заключили альянс с Россией, поступок, который Вы категоричнее всех отвергали в Вашей книге «Майн кампф» (раннее издание, с. 740–750). Там Вы говорите: «Сам факт любого соглашения с Россией содержит предпосылки следующей войны. Конец этой войны будет означать конец Германии». И еще: «Нынешние лидеры России вовсе не собираются ни заключать честное соглашение, ни выполнять его условия». Или: «Можно сделать вывод, что невозможен договор с партнером, чей единственный интерес заключается в уничтожении своего партнера».

Ваша новая политика является самоубийством. Кто извлечет из нее выгоду? Если не отважные финны со своей верой в Бога, то уж точно бывший смертельный враг нацистов и их нынешний «друг», большевистская Россия. Та самая Россия, которую Ваш ближайший советник, герр Кепплер, статс-секретарь министерства иностранных дел и ловкий дипломат, в мае 1939 года на заседании рейхстага призвал германизировать до Уральских гор. Я искренне надеюсь, что эти откровенные слова Вашего доверенного советника не ослабят эффект поздравительной телеграммы, которую Вы послали своему другу Сталину на его день рождения.

Ваш новый политический курс, герр Гитлер, состоит в подталкивании Германии к пропасти, а немецкий народ – к уничтожению. Дайте задний ход, пока еще не поздно! В конечном счете Ваша политика означает *Finis Germaniae* (гибель Германии). Вспомните Вашу клятву в Потсдаме. Дайте рейху свободный парламент, дайте немецкому народу свободу совести, мысли и слова. Обеспечьте необходимые гарантии восстановления закона и порядка, дабы возродить доверие к договорам и соглашениям. Ибо если покончить со злом и дальнейшим бесплодным кровопролитием, еще возможно добиться для Германии достойного мира и сохранения единства.

Международное сообщество ждет от меня объяснений, почему я покинул Германию. До сих пор я хранил молчание. Все документы и письменные свидетельства моего пятнадцатилетнего конфликта еще не опубликованы. В то время, когда мое отечество ведет жестокий бой, я не хочу отдавать в руки его врагов мощное моральное оружие. Я – немец и остаюсь немцем до мозга костей. Я горжусь своей национальностью и буду ею гордиться до последнего вздоха. Именно потому, что я – немец, я не могу и не хочу говорить, пока страдает мой народ, и буду молчать до того дня, пока интересы истины не потребуют обратного. Однако я чувствую в себе сдавленный голос немецкого народа, взывающий: «Вернись и восстанови свободу, закон и человечность в немецком рейхе».

Я буду молча ждать Ваших действий. Но я основываюсь на предположении о том, что это письмо не станут скрывать от немецкого народа. Я подожду. Если мои слова, слова свободного и искреннего немца, утаят от народа, я намереваюсь воззвать к совести и мнению остального мира. Я жду.

Да здравствует Германия!

(Подпись) *ФРИЦ ТИССЕН*

P.S. Я отдаю это письмо в немецкое посольство в Берне для дальнейшей передачи; я послал заверенную копию в канцелярию в Берлине и на Ваш личный адрес в Оберзальцберг в Берхтесгадене. Я вынужден принять эти меры, поскольку мне официально сообщили, что мои письма и телеграммы фельдмаршалу Герингу не были получены.

Копии также посланы фельдмаршалу Герингу и председателю правительства Редеру, который отдал приказ о конфискации моего имущества. Копия первого параграфа этого письма также отослана барону Курту фон Шредеру в Кельн, предположительно нынешнему управляющему моей собственностью».

Это письмо Гитлеру означало не просто разрыв. Оно означало, что я более не ограничиваюсь теоретической оппозицией нацистским лидерам. Я намеревался объявить им войну. Надеюсь, что моя позиция не будет неправильно истолкована. Как депутат рейхстага, я имею право – и мой долг обязывает меня – выступить с протестом против войны, если я убежден в том, что объявление войны – зло и ошибка. Однако я подчинился бы имеющему законную силу решению, поскольку такое решение было принято. Я признал бы, что во время войны долг любого гражданина поддерживать правительство, выражающее волю народа. Я также избежал бы разрыва или активных оппозиционных действий, если бы правительство опубликовало мой меморандум Герингу, о чем я просил через Фёглера. Но я так и не получил ответа на свою просьбу. Берлин продолжал скрывать тот факт, что агрессивная политика национал-социалистического правительства привела к официальной оппозиции по меньшей мере одного немецкого патриота.

Я долго молчал и решил действовать. Уже некоторое время международная общественность интересуется причинами моего выезда из Германии. Меня постоянно спрашивают, почему я порвал с национал-социализмом. Пока я пользовался правами беженца на швейцарской территории, я молчал. Федеральные власти Швейцарии пожаловали мне разрешение оставаться в их стране до 31 мая 1940 года. Однако это разрешение на проживание в Швейцарии обязывает меня воздерживаться от любого рода политической деятельности.

Через некоторое время после отправки своего письма Гитлеру я узнал, что правительство рейха выдало ордер на мой арест по обвинению в растрате или в чем-то подобном. Это была неуклюжая попытка добиться моей экстрадиции немецким властям. Швейцарское правительство, информированное о причинах моего отъезда, отказалось даже рассматривать эту

просьбу. Я пользуюсь данной возможностью еще раз выразить швейцарскому правительству свое восхищение и благодарность.

Не сумев добраться до меня, правительство рейха решило, в качестве последнего средства, лишить меня германского гражданства. 4 февраля 1940 года официальная немецкая Gazette опубликовала распоряжение министра внутренних дел о лишении меня и моей жены германского гражданства. Таким образом, меня сначала преследовали, как уголовного преступника, а когда эти попытки закончились провалом, правительство сочло приемлемым объявить, что я больше не гражданин Германии. Подобная непоследовательность является таким же признаком замешательства нацистов, как и молчание, которым окутано все это дело в Германии.

Я заявляю, что не давал никакого повода к этому последнему акту, как, собственно, и к остальным. Я всего лишь осуществил свои права депутата рейхстага. В своих действиях я руководствовался – и сейчас руководствуюсь – парламентским мандатом, коим я обязан немецкому народу, и только ему. Что касается лишения германского гражданства моей жены, никогда не занимавшейся никакой политической деятельностью против режима, могу объяснить это лишь корыстными мотивами, на которые уже ссылался.

Узнав о мерах, принятых против меня министром внутренних дел, я отправил ему следующее письмо протеста:

«Локарно, 16 февраля 1940 г.

Сэр!

Я узнал из газет о том, что Вы официально объявили о лишении меня и моей жены всех прав гражданина Германии.

Настоящим выражаю протест в должной форме. Выступая против нынешней политики правительства рейха, я выполнил свой долг, как депутат рейхстага. Я покинул Германию, поскольку чувствовал, что депутатский иммунитет, прописанный в конституции, более не гарантируется. Ни конфискация моего имущества, ни ордер на арест, ни потеря гражданства не помешают мне выполнять мой долг депутата рейхстага, поскольку я чувствую свою ответственность перед немецким народом.

(Подпись) *ФРИЦ ТИССЕН*,
депутат рейхстага».

Несколько месяцев минуло с момента моего первого протеста и просьбы к лидерам Германии его обнародовать. Теперь я обвиняю канцлера Германии в предательстве и нарушении его торжественной клятвы; я призываю его восстановить конституцию, закон и справедливость в Германии; и я обращаюсь к международной общественности, предъявляя ей документы по этому делу.

Глава 3

Конец одной политической ошибки

Когда после 1871 года империю Наполеона III сменила Третья республика, французы повсеместно приговаривали: «Мы восхищались республикой, существовавшей у нас в эпоху империи». Сколько национал-социалистов в Германии и Австрии могли бы в наши дни позволить себе аналогичные грустные высказывания! Ибо «национал– социализм» при Брюнинге и Шушниге действительно вызывал восторг.

На самом деле и я несколько лет испытывал такое же чувство. Однако мой разрыв с режимом не является результатом разочарования. Ситуацию обострила развязанная Гитлером война. По расхожему мнению, промышленник, особенно представитель сталелитейной промышленности, всегда приветствует войну, приносящую бесчисленные выгоды именно его отрасли. Моя личная позиция может послужить ответом на обвинения подобного рода.

Сегодня я порываю с традициями и определенной линией поведения, характерной для всех времен, особенно после поражения 1918 года. Такое поведение диктовалось страстным желанием способствовать величию и процветанию империи, в которой я родился через два года после ее основания и ради которой трудился всю свою жизнь.

Я не политик, я промышленник, а промышленник всегда склонен считать политику неким дополнительным средством – подготовкой к своей основной деятельности. В упорядоченной стране, где власть разумна, налоги умеренны, а полиция хорошо организована, промышленник может отстраниться от политики и целиком посвятить себя бизнесу. Но в пораженном кризисом государстве, каковым была Германия с 1918 по 1933 год, любой предприниматель волей-неволей втягивается в политический водоворот. После 1930 года надежды немецкой промышленности можно было сформулировать одной фразой: «Здоровая экономика в сильном государстве». Насколько я помню, таким был девиз встречи рурских промышленников в 1931 году, состоявшейся в разгар экономического и общественного кризиса. Той зимой насчитывалось шесть или семь миллионов безработных, то есть около трети всего работоспособного населения Германии. Веймарскую республику раздирали партийные и прочие разногласия, и государственный корабль мог затонуть в любой момент. Правительство не справлялось ни с осуществлением своих властных полномочий, ни хотя бы с поддержанием общественного порядка. Даже полиция не в силах была совладать с ежедневными мятежами и политическими уличными беспорядками.

И я одобрял этот девиз. Для преодоления кризиса было необходимо укрепить государственную власть. Немецкий народ ясно продемонстрировал, что не годится для республики. Вот почему я оказывал предпочтение восстановлению монархии. Однако я также верил, что, поддерживая Гитлера и его партию, смогу внести свой вклад в восстановление дееспособного правительства и создание условий, в которых все сферы деятельности – и особенно бизнес – смогут снова нормально функционировать.

Однако бессмысленно горевать о непоправимом. Сильное государство, о котором я тогда мечтал, не имело ничего общего с тоталитарным государством – или, скорее, с карикатурой на государство, созданной Гитлером и его приспешниками. И на мгновение я не мог вообразить, что через сто пятьдесят лет после Великой французской революции и провозглашения Декларации прав человека в великой современной стране закон заменят произволом, подавят самые элементарные гражданские права и в самом сердце Европы воцарятся азиатская тирания и отжившие устремления к завоеваниям и мировому господству.

Как католик, родившийся на берегах величественного Рейна, где влияние западной культуры и римского закона всегда было сильнее, чем в других частях Германии, где очень рано привилось христианство и где Великая французская революция оставила неизгладимый след,

я не мог поверить, что в наше время возможно уничтожить все нормальные условия человеческой и политической жизни. В 1930 году я удивился бы, если бы кто-нибудь назвал меня либералом, но, скорее всего, таковыми были мои истинные убеждения, хотя я тогда этого не сознавал. Я желал восстановить порядок в государстве, восстановить полную гармонию власти и дисциплины с достоинством каждого отдельного человека и уважением к фундаментальным свободам. Гарантия этих свобод казалась мне такой же естественной, как дыхание.

Бурный промышленный рост, начавшийся в 1870 году, одним из зачинателей которого был мой отец, привел к тому, что после 1918 года Германия стала державой со слишком мощной индустрией. Вся структура страны претерпела глубокие изменения. Проблемы, созданные существованием промышленности, которой приходится кормить две трети населения, не всегда вполне осознаются в таких странах, как Франция или Соединенные Штаты Америки. До войны 1914 года монархия Пруссии и Германская империя, самодержавные в политической и административной сферах, в общественной и экономической сферах были абсолютно либеральны. Несмотря на определенные ошибки, политический аппарат имперского государства, и в частности, его очень квалифицированные государственные служащие почти всегда соответствовали возложенным на них задачам.

Самые основы этой системы были разрушены национальным поражением и революцией 1918 года. Германия, изнуренная войной, деморализованная поражением, изголодавшаяся в результате блокады, из последних сил обеспечивала существование своего населения. Вместо того чтобы напрячь все силы ради возрождения, она поддалась анархии и радикализму, которые определенно препятствовали любым попыткам истинного возрождения.

Внутренний кризис усугубился давлением со стороны победителей. Он проявился не только в политической сфере, но и в бизнесе, обремененном внушительным залогом, а именно военными репарациями. Политические круги, управлявшие страной почти целое столетие, и компетентные, заслуживающие доверия чиновники, возглавлявшие надежный и корректный государственный аппарат, почти полностью исчезли в послевоенном хаосе.

Стоя вместе с отцом во главе огромного промышленного предприятия, я столкнулся с грозной проблемой занятости трудоспособного населения и обеспечения его средствами к существованию. Речь шла уже не только о технической и экономической организации. Германия должна была вернуть доверие и уважение к себе, возродить экспорт, восстановить порядок внутри страны.

Чтобы справиться с давлением наших недавних врагов, я организовал пассивное немецкое сопротивление во время оккупации Рура в 1923 году. Ради победы над политическим радикализмом и анархическими тенденциями, распространенными в первые годы Веймарской республики, я поддержал различные полувоенные патриотические формирования, среди них национал-социалистическую партию. Позднее, после первых кризисов, когда события, казалось, стали развиваться более нормально, я обратил свое внимание на бизнес. Моя последующая политическая деятельность ограничивалась членством в оппозиционной парламентской фракции, Немецкой национальной народной партии, возглавляемой графом Вестарпом, а затем Альфредом Гугенбергом. Немецкие националисты были консерваторами и монархистами.

Модификация системы репараций в 1929 году, завершившаяся в следующем году принятием в Германии плана Янга, показалась мне роковой экономической ошибкой, и в тот момент я перешел в более активную оппозицию. Я присоединился к тем группам, которые предлагали сопротивляться политике естественной уступчивости, проводимой рейхом. Я считал это адекватной реакцией на сложившуюся ситуацию и полагал, что таким образом расчищаю путь к созданию более разумных экономических условий сначала в Германии, а затем и во всем мире. Я не участвовал в ежедневных политических спорах, но, как представитель правого

крыла, полагал, что Гитлер – активная движущая сила в возрождении Германии, и именно поэтому оказывал ему все возрастающую поддержку.

В январе 1933 года национал-социалистическая партия, в которой я на тот момент состоял уже два года, пришла к власти. Я, как и все, думал, что ей удастся восстановить политическое равновесие и способствовать возрождению страны. Я даже надеялся, что это приведет к восстановлению монархии, системы, отвечающей уважению, которое немецкий народ традиционно испытывает к власти. Монархия, по моему мнению, гарантировала бы более-менее нормальную эволюцию и предотвратила бы революционный кризис.

Разочарование настигло меня почти в самом начале нацистского правления. Гитлер изгнал из правительства консерваторов, лидером коих являлся, что послужило поводом для моей тревоги. Однако меня сдерживало впечатление от поджога Рейхстага. Теперь я знаю, что это преступление было срежиссировано самими национал-социалистами с целью достижения большей власти. По всей Германии они сеяли страх перед вооруженным коммунистическим восстанием. Они внушали, что этот поджог, организованный ими самими, был сигналом для второй красной революции, которая ввергла бы страну в кровавую пучину гражданской войны. Тогда я верил, что благодаря своей энергии Гитлер и Геринг спасли страну. Сейчас я знаю, что, как и миллионы других, был обманут. Однако почти все немцы, населяющие рейх, до сих пор находятся во власти этого обмана. Мне пришлось бежать за границу, чтобы узнать правду.

Поджог Рейхстага, организованный Гитлером и Герингом, был первым шагом в колоссальном политическом надувательстве. Опираясь на это якобы коммунистическое преступление, лидеры нацистской партии заставили президента Гинденбурга подписать так называемый «Закон о подозреваемых», разрешающий упрощенное приведение в исполнение приговора к смертной казни. Благодаря этому закону нацисты заставили замолчать всех своих политических оппонентов.

Тот же закон, «в целях защиты народа и государства», гестапо использовало как предлог для незаконной конфискации моей собственности. Этот так называемый закон противоречил всем основным конституционным гарантиям личной свободы, свободы совести и убеждений, временно отмененным до сих пор. Эта чрезвычайная мера стала обычным орудием правительства.

Месяц спустя дрожащий от страха рейхстаг, сто депутатов которого были арестованы и заключены в тюрьмы, проголосовал за этот закон, передающий все полномочия правительству и лежащий в основе правительственного самоуправства с 1933 года. Так начался ряд революционных актов, теоретически облеченных в законную форму, а на деле базирующихся на преступлении и лжи. Общественное мнение других стран никогда не протестовало против этих актов.

Сейчас я больше не сомневаюсь. Я утверждаю, что все «законы», все указы, изданные национал-социалистическим правительством, незаконны. С юридической точки зрения они не имеют законной силы, поскольку базируются на преступлении и злоупотреблении доверием.

Гитлер пришел к власти, прибегнув к политическим интригам. Своим существованием национал-социалистическое правительство не обязано какому-либо революционному событию, сравнимому с походом Муссолини на Рим. Гитлер торжественно поклялся фельдмаршалу фон Гинденбургу уважать конституцию, гарантирующую права человека и политическую свободу в Германии. Поджог Рейхстага – клятвопреступление, с помощью которого он узурпировал власть.

Сегодня я в этом убежден, но шесть лет назад я был обманут. Геринг, офицер прежней имперской армии, награжденный орденом «За заслуги», 1 марта, указывая мне на дымящиеся руины Рейхстага, сказал: «Это преступление совершили коммунисты; вчера я чуть не арестовал одного из преступников». Двумя месяцами ранее он позвонил мне домой, чтобы предупредить о том, что в Руре вот-вот разразится восстание, а я возглавляю список намеченных

заложников. Об этом, мол, ему сообщили его шпионы в коммунистической партии. Как я мог сомневаться в его словах?

Поэтому я начал открыто сотрудничать с режимом. Вульгарный антисемитизм раннего периода не повлек непосредственных практических последствий, и я считал его не очень опасной уступкой общественному мнению. На моей родине, в рейнских провинциях, где население не настроено против евреев, такая глупость вызвала иронический смех над нацистами. Я был поглощен задачей, порученной мне главой правительства, а именно подготовкой плана перевода экономики Германии на «корпоративные» рельсы. В этом я видел свою политическую или государственную задачу.

Роковой день 30 июня 1934 года, когда Гитлер приказал жестоко убить своих революционных соратников, ужаснул меня и вызвал отвращение. В этой бойне было нечто абсолютно не присущее немцам. Это было настоящее варварство. Несколько месяцев спустя я на несколько месяцев отправился по делам в Южную Америку. По возвращении я обнаружил, что режим прочно утвердился и начал вводить в действие план строительства и перевооружения, который привел к отставке доктора Ялмара Шахта с постов министра экономики Германии и президента Рейхсбанка. С того момента я вступил в открытый конфликт с национал-социалистами.

Первый инцидент имел место в 1935 году. В Дюссельдорфе уже был распространен позорный антикатолический трактат. В нем повторялись самые смехотворные небылицы из устаревшего списка противников церкви, критиковались христианские догмы и мораль, папа римский, священники и религиозные ритуалы. Одну из брошюр, распространяемых в Дюссельдорфе, принесли мне. К моему величайшему изумлению, она была подписана Вейцелем, полицей-президентом Дюссельдорфа. Он поставил свою подпись без упоминания своей должности, но этот трактат никак не мог распространяться без его попустительства и помощи.

Национал-социалистическое правительство ранее подписало с католической церковью конкордат, по которому последняя защищалась от подобных нападок, особенно со стороны официальных персон. В государстве, где законы действительно соблюдаются, автору столь скандального документа предъявили бы обвинение и подвергли бы судебному преследованию. Однако в национал-социалистической Германии это было немыслимо, ибо ни один судья не осмелился бы применить закон. Как государственный советник, я написал Герингу, привлекая его внимание к тому, что считал нетерпимым примером нарушения порядка. Геринг не ответил, но некоторое время спустя сказал мне, что приказал провести расследование. На этом все и закончилось.

Преследование католиков было лишь началом. С того времени нарушение порядка, беззаконие и произвол были главным оружием в арсенале национал-социалистов.

В сентябре 1935 года меня вызвали в Нюрнберг на внеочередное заседание рейхстага. Перед заседанием я узнал, что рейхстаг, по просьбе Гитлера и по соглашению с главнокомандующим армией генералом фон Бломбергом, должен будет проголосовать за закон, по которому прежний черно-бело-красный флаг империи заменится свастикой национал-социализма. Я немедленно покинул Нюрнберг поездом, не став дожидаться заседания. С тех пор я не голосовал за позорные законы, принимаемые в Нюрнберге, которые возвели антисемитизм в ранг государственной политики, и даже в самых торжественных случаях, таких как свадьба моей дочери, которую посетил архиепископ Кельна (я пригласил Геринга, но он не приехал), даже тогда, когда нам приказывали вывешивать флаги, я ни разу не поднимал свастику над своим жилищем в Шпельдорфе.

Несколько позже моя жена при встрече с генералом фон Бломбергом выразила свое удивление: «Как вы могли согласиться на такое?» – «Печальная история, – ответил Бломберг, – армии пришлось пойти на уступку фюреру». Нацисты действительно вырвали у армии согласие, заявив, что ради перевооружения можно пойти на компромисс с флагом. Они ловко использовали тот факт, что во многих районах, и особенно в рейнских провинциях, население,

чтобы выразить несогласие с режимом, редко вывешивало флаг со свастикой, но неизменно поднимало старый черно-бело-красный флаг. Нацисты интерпретировали это как политическую агитацию против их партии.

Четыре года я был грустным и бессильным свидетелем непоследовательности, поверхностности и коррупционности национал-социалистических лидеров. Только еще раз я выступил с официальным письменным протестом, и случилось это во время антисемитских актов насилия в ноябре 1938 года. Но ни Гитлер, ни Геринг не могли не знать о моем отношении к их политическому курсу. Я выражал свои чувства публично на государственном совете и посещаемых мною экономических собраниях. Однако какая польза в оппозиции к диктаторскому режиму? Даже один генерал, которому я сказал, что «так больше не может продолжаться», пожал плечами и ответил: «А что я могу сделать?» Промышленник еще бессильнее генерала. Его можно арестовать по любому обвинению.

Важные события 1938 года сделали меня скептиком. На следующий год, вопреки торжественным обещаниям, данным правительствам трех великих держав, была оккупирована Чехословакия. Я счел эту оккупацию преступной и позорной и в то же время видел в ней опасную политическую ошибку. Затем была спровоцирована Польша. В течение пяти лет Гитлер неизменно провозглашал дружбу между Германией и Польшей. По моему мнению, его изменение отношения к полякам объясняется тем, что польское правительство отказалось присоединиться к нему в великом планируемом наступлении на восток – в операции, которая должна была подчинить Германии всю Европейскую Россию до Уральских гор. На самом деле этот план был раскрыт экономистом и уполномоченным доверенным лицом фюрера Вильгельмом Кепплером на заседании совета директоров Рейхсбанка, где я присутствовал, как раз перед конфликтом с Польшей.

Когда 23 августа 1939 года мне сообщили о заключении пакта между Сталиным и Гитлером, я уже был в Гаштайне. Я внимательно изучил изменение международной ситуации. Я все еще рассчитывал на успех национал-социалистического движения в дипломатической игре. Дальнейшее развитие событий дало мне пищу для тревоги, и все же я и вообразить не мог, что Гитлер совершит столь чудовищную глупость: втянет Германию в европейскую войну. Несколько дней ранее я получил от Альберта Фёглера письмо, заставившее меня серьезно задуматься. Фёглер встретился с директором одного из заводов, членом делегации немецких промышленников, только что вернувшейся из России. На прощальном обеде в честь делегации русский комиссар промышленности провозгласил тост за «дружбу между Россией и Германией». Должен признаться, я задумался о том, что нас ждет. Невозможно было поверить в вероятность соглашения между Советской Россией и национал-социалистической Германией.

Я всегда предостерегал как промышленников, так и военные круги против сближения с коммунистической Россией. Я считал этот режим врагом Германии и всей Европы. Соглашение с Россией казалось мне таким же страшным преступлением, как предательство германских протестантских князей, вступивших в союз с Ришелье против императора Священной Римской империи в Тридцатилетней войне.

Гитлер разделял мои антипатии. По крайней мере, я в это верил. Его книга «Майн кампф» содержит целые страницы проклятий в адрес русского режима. И вдруг, совершенно неожиданно, ради политического комфорта, он изменяет своим прежним убеждениям и заключает союз со страной, которую в других обстоятельствах называл врагом Европы номер один. Столь бесцеремонное поведение Гитлера и Риббентропа можно было бы рассматривать как искусную дипломатию; меня же оно ужаснуло. Они совершили коренной переворот в традиционной внутренней и внешней политике Германии. До того момента национал-социалистическое правительство боролось с большевизмом на внутреннем и внешнем фронтах. Антикоммунистические пакты были заключены с Италией, Японией, Венгрией и Испанией. Гитлер

выступал за крестовый поход против большевистской России, как врага человеческой расы, и вдруг сам заключил союз с этим монстром.

Ему хватило наглости просить поддержки здравомыслящих людей в этой аванюре. Лично я никогда не был таким трусом или идиотом, чтобы поддержать его в этом.

Однако немцы – народ, никогда особо не ориентировавшийся в политике – были совершенно сбиты с толку потоком изливаемой на них лжи. Они думали, что союз со Сталиным ничем не отличается от любого другого союза. Ведь сам Бисмарк заключил союз с царем! Один из самых гротескных аспектов этого дела состоит в том, что некоторые немцы, действительно боявшиеся большевизма, вместо того чтобы возражать Гитлеру, обвинили меня в потворстве пришествию большевизма в Германию. Они говорят, что к конфискации моего личного состояния привел мой протест против политики Гитлера. И это создает опасный прецедент. Вот до чего они докатились!

Изменение политики России – кроме политических интересов – я могу объяснить двумя политическими факторами. Говорят, что после событий 30 июня 1934 года Сталин выразил восхищение Гитлером. Убийством своих политических оппонентов Гитлер продемонстрировал Москве задатки истинного диктатора. С того момента Сталин начал принимать Гитлера всерьез. Кроме того, на русских произвело огромное впечатление отношение западных держав к оккупации Чехословакии. В 1939 году политический реализм подсказал им, как отвести гитлеровскую угрозу от России и в то же время вернуть свои бывшие территории. Заключение этого пакта было гениальным приемом Сталина. С его помощью он на некоторое время избавился от вполне реальной угрозы, которую представляла немецкая армия, – неизмеримо более мощная, чем Красная армия – оснащенная и вымуштрованная главным образом для войны на Востоке. В те августовские дни 1939 года пакт с Москвой казался мне отвратительным по двум причинам: во– первых, из-за противоестественности союза с врагом западной цивилизации и, во-вторых, потому, что являлся первым шагом к войне.

Как упоминалось выше, я направил официальный протест национал-социалистическим лидерам 1 сентября. Последующие события оправдали этот мой поступок. Вторжение в нейтральные государства: Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию и Люксембург – вычеркнуло Третий рейх из списка цивилизованных государств. Вполне вероятно, что в самой стране подавляющее большинство немцев, ослепленных стремительными победами и одурманенных лживой пропагандой, не в состоянии осознать этот факт.

До последнего момента я полагал, что можно будет избежать войны. Я утешал себя, воображая, будто ответственные генералы смогут сдержать Гитлера. До блицкрига на Западном фронте я все еще надеялся, что удастся предотвратить нападение на Запад. Вот почему я просил нацистских лидеров опубликовать меморандум, в котором изложил причины моих возражений против войны.

Но Гитлер и его советники не прислушались к моим призывам. Они думают, что могут заставить судьбу сражаться на их стороне. Насилие, которое они обрушили на Европу, падет на них и – к несчастью – на их слепое орудие, невидящий и неслышащий немецкий народ.

Я же все для себя решил и действую согласно своему решению. Но я надеюсь и верю, что непременный после падения Гитлера мирный договор будет заключен с учетом опыта, приобретенного после 1918 года. Эта история политической ошибки, заставившей меня поверить в Гитлера, и моего разочарования – мой вклад в лучшее будущее.

Часть вторая Путь в третий Рейх

Глава 1 Поражение и революция

Германии грозит анархия

В Первую мировую войну я был офицером. До последнего дня я страдал, как и все солдаты на фронте, и вдохновлялся теми же надеждами. Я давно знал, что гражданское население на родине подвергалось тяжелейшим испытаниям. В нашем Рейнско-Вестфальском промышленном регионе, где размещались отцовские заводы, тлели очаги восстания. В 1917–1918 годах прокатилась волна забастовок, сопровождавшихся такими серьезными беспорядками, что в промышленных городах Рейна было арестовано великое множество людей. Забастовки были вызваны дефицитом продовольствия и, соответственно, страданиями семей рабочих, но политическая агитация усугубляла положение.

В Киле экипажи военных судов подпали под влияние социалистической пропаганды, вышли из повиновения и совершили попытку восстания³. Начиная с 1918 года экстремистская агитация приняла еще более революционный характер. Пример, поданный русской революцией и тайно поддержанный высшим немецким командованием, серьезно повлиял на события в Германии. Большевики, захватившие власть в Москве во время Октябрьской революции, отправляли через границу своих самых опасных агентов. Волнения прокатились по всей Германии; женщины и дети выходили на демонстрации против перебоев в снабжении продовольствием или в защиту мира. На фронте Людендорф предпринял последнюю попытку разрешить проблему военным путем. Успех наступления 1918 года поначалу укрепил моральное состояние немецкого народа. Окончательное поражение деморализовало народ.

Ни армейские офицеры, ни даже огромные солдатские массы не избежали влияния пораженческой и революционной пропаганды. Измученная армия не устояла под подавляющим превосходством вражеских войск.

В октябре 1918 года призрак революции начал обретать плоть. Социалисты крайне левого крыла сформировали группу под названием «Спартак»⁴ в честь римского гладиатора, начавшего в 73 году до н. э. третье восстание рабов. Группа «Спартак» впоследствии стала Коммунистической партией Германии (КПГ). Радикальные элементы, вдохновленные примером русских, готовились к образованию рабочих и крестьянских советов, то есть «Советов». Буря приближалась.

Первый гром грянул в Киле. Мятеж в имперском военном флоте в начале ноября ознаменовал начало немецкой революции, быстро распространившейся по всем городам Северной Германии. Еще до подписания перемирия социалистические демонстрации прокатились по улицам Кельна. Солдат, возвращавшихся с фронта, разоружали прямо на вокзалах. Большинство из них сочувствовало толпе. Поначалу умеренным социалистическим лидерам удавалось предотвращать беспорядки в рейнских городах, но прибывшие из Келя делегаты мятежников, сопровождаемые профессиональными агитаторами, изменили ситуацию. В крупных промыш-

³ См. исторические примечания в конце главы.

⁴ См. исторические примечания в конце главы.

ленных городах – Хамборне, Мюльхайме и Эссене – быстро были созданы и захватили власть рабочие и солдатские советы.

Крупный рейнский промышленник Хуго Штиннес вел переговоры с профсоюзами в Рейнско-Вестфальском регионе с целью избежать беспорядка и саботажа. Он добился обещаний, гарантирующих порядок и общественный мир в регионе, но часть рабочих, подпавших под влияние революционной пропаганды, отказалась подчиняться руководству социал-демократической партии. Рабочие и солдатские советы распахнули ворота тюрем и освободили политических узников последних двух лет. Вместе с ними на свободу вышло множество личностей с весьма сомнительным прошлым; они могли быть как искренними революционерами, так и уголовными преступниками.

В Мюльхайме мы провели пять тягостных недель. Рабочие и солдатские советы, оказавшиеся у власти, повсюду расклеивали предупреждения о наказании за экстремистские выходки и грабежи, однако улицы больше не были безопасными. Если вначале количество умеренных в советах составляло большинство, то теперь они уступили давлению крайне левых агитаторов.

Вечером 7 декабря у моего дома появилась группа мужчин, вооруженных винтовками и пистолетами. Они пришли арестовать меня, но забрали и моего отца, несмотря на то что ему было семьдесят шесть лет. Нас сопроводили в тюрьму Мюльхайма, где к нам вскоре присоединилось четверо других промышленников. Глубокой ночью нас разбудили, и дюжина похожих на бандитов личностей, вооруженных винтовками, вывела нас во двор. Я подумал, что нас ожидает казнь, но, как оказалось, они собирались вывезти нас в Берлин. Охранники ввели нас в вагоны третьего класса и сели у дверей, несомненно, чтобы предупредить любую попытку побега. Было холодно. К счастью, отец успел захватить с собой одеяло. Следующим вечером поезд остановился на потсдамском вокзале Берлина. На платформе нас ожидал военный отряд. Сопровождающие передали нас новой охране и удалились, отпуская язвительные замечания. Мой отец обратился к одному из охранников и очень вежливо попросил принести забытое в поезде одеяло. «За кого вы меня принимаете? – высокомерно спросил тот. – Я начальник полиции Берлина!»

Позже я узнал, что это был Эмиль Эйхгорн, опасный коммунистический агитатор, служивший Советской России и во время революции самолично назначивший себя начальником полиции Берлина. Он превратил полицейское управление на Александерплац, известное как «Красный дом», в крепость и подобрал личную охрану из самых сомнительных берлинских пролетариев, в большинстве своем бежавших из тюрьмы. Поговаривали, что Эйхгорн приказал арестовать многих чиновников прежнего режима и политических оппонентов и казнил их без суда во дворе полицейского управления. Месяц спустя этот странный начальник полиции организовал бунты на улицах Берлина, и социал-демократическое правительство обратилось к армии с призывом выдавить его из «Красного дома», где он забаррикадировался и подвергся настоящей осаде.

И в руки такого человека мы теперь попали. Он забрал нас в полицейское управление и допросил.

«Вы обвиняетесь, – заявил он, – в измене и антиреволюционной деятельности. Вы – враги народа и просили ввести французские войска, чтобы помешать социалистической революции».

Ни один из нас не имел никаких контактов с французской оккупационной армией. Мы стали возражать.

«Не пытайтесь отрицать, – грубо продолжал Эйхгорн. – Я хорошо информирован. Позавчера вы совещались в Дортмунде с другими промышленниками и решили послать делегацию к французскому генералу с просьбой оккупировать Рур. Это измена. Что вы на это скажете, господа?»

Мы в изумлении посмотрели друг на друга. Никто из нас не ездил в Дортмунд. Лично я ничего не знал о таком решении. Позже я узнал, что подобного совещания вообще не было.

Мы с отцом смогли представить алиби. Мы целую неделю не покидали Мюльхайм, что могли подтвердить многочисленные свидетели.

«Знаю я этих свидетелей! Сплошь буржуи! – жестко ответил Эйхгорн. – Их слова ничего не стоят. Уведите арестованных».

Нас вывели из кабинета начальника. О спокойствии не могло быть и речи. Неужели мы избежали смерти в Мюльхайме, чтобы быть расстрелянными здесь? Вскоре какой-то служащий сообщил нашим охранникам, что в полицейском управлении для арестованных больше нет места.

«Забирайте их в Моабит», – сказал он.

Моабит – главная берлинская тюрьма. У ворот полицейского управления нас ждал тюремный фургон. Сквозь решетки мы видели возбужденные толпы на улицах Берлина; близ Александерплац патрулировал автомобиль с пулеметом. Через двадцать минут наш фургон вкатился в тюремный двор. Встретивший нас начальник тюрьмы сказал: «Я ничего не знаю о вашем деле. В любом случае, может, и лучше, что вы здесь. Со мной, по крайней мере, вы в безопасности».

Его слова, казалось, подтверждали мрачные слухи о казнях в полицейском управлении. Начальник Моабитской тюрьмы был старым служакой, подчинявшимся прусскому правительству, а не внушавшему ужас начальнику полиции.

Моего отца – из-за преклонного возраста – поместили в тюремную больницу. Он воспринимал случившееся с потрясающим спокойствием: «Не беспокойся, в моем возрасте ничего особенного со мной случиться не может». Остальных – и меня в том числе – заключили в камеры для подсудимых. Нашу жизнь там можно назвать почти шикарной. Каждый день нас выводили на прогулки в тюремный двор. Позже я получил множество писем от узников с воспоминаниями о совместном пребывании в Моабите.

На следующее утро в мою камеру вошел тюремный протестантский священник с утешениями своей веры. Я сказал ему, что я католик. Он ушел, не попрощавшись. Я был вне его компетенции. Явившийся через несколько минут католический священник произнес небольшую речь, которую я буду помнить всю свою жизнь. «Да, я знаю. Всегда одно и то же: в первый день вы притворяетесь мужественным и не верите, что с вами может что-то случиться. Но подождите третьего дня, и увидите, что с вами произойдет, когда вы узнаете о своей судьбе. Тогда вы будете раздавлены». Этот добрый человек думал, что нас уже приговорили к смерти, и разговаривал со мной так, как привык разговаривать с приговоренными преступниками. Чтобы убедить их принять отпущение грехов и раскаяться в совершенных преступлениях, он пугал их вероятными суровыми наказаниями.

На четвертый день нас всех освободили. Возможно, Эйхгорн проверил наши заявления и ничего криминального не обнаружил. Таким был мой первый контакт с революцией 1918 года.

19 ноября я стал свидетелем возвращения войск в Кельн. На рассвете 6-я и 17-я армии походным порядком прошли по рейнским мостам. Город был расцвечен флагами, население приветствовало солдат, угощало их кофе и сигаретами.

Егерская дивизия маршировала на Кафедральной площади перед генералом фон Даселем. Впереди развевались черно-бело-красное знамя рейха, черно-белое знамя Пруссии и зеленое знамя дивизии. Марширующие во главе каждого батальона оркестры играли военные марши. Все солдаты шли гусиным шагом. Это было успокаивающее зрелище, олицетворявшее порядок и дисциплину посреди революционного хаоса, расползающегося все шире и шире.

Мюльхаймский полк вернулся три недели спустя под бурные приветствия горожан. Однако покой длился недолго. Все рабочие Мюльхайма знали и уважали моего отца, но в Хамборне, где у нас тоже был завод, власть захватили радикалы. Революционное движение во всем промышленном районе было организовано коммунистом Карлом Радеком, делегатом русских советов в Эссене. Стоит отметить, что в самом Эссене ему удалось более-менее договориться

с бургомистром Хансом Лютером, который позднее стал рейхсканцлером, затем президентом Рейхсбанка и в конце концов послом в Вашингтоне. Политиком Лютер всегда был более успешным, чем финансовым экспертом. Не знаю, как ему удалось смягчить русского революционера Радека, однако факт остается фактом: Радек не стал провоцировать беспорядки в Эссене, зато усилил свою активность в других городах.

В канун Рождества в Хамборне объявили забастовку. Встревоженный бургомистр позвонил мне по телефону и попросил приехать. Однако, как я уже говорил, Хуго Штиннес путем переговоров сразу после прекращения военных действий добился соглашения с профсоюзами от имени всей промышленности региона. Это соглашение не было расторгнуто, о чем я напомнил бургомистру, добавив, что не могу заключать никаких сепаратных соглашений. На этом дело не закончилось. На следующий день, рано утром, в мой дом в Мюльхайме приехала делегация из пяти рабочих-коммунистов. Они хотели отвезти меня в Хамборн силой, а мне вовсе не улыбалось повторить свой недавний берлинский опыт.

Я велел дворецкому сказать им, что я одеваюсь, пригласить в дом и угостить кофе. Пока они пили кофе, я попросил жену уехать с нашей маленькой дочкой в Дуйсбург, занятый бельгийскими войсками, а я тем временем решил предупредить отца, жившего милях в восьми от Мюльхайма в замке Ландсберг на Руре. Я вышел через незаметную дверь и отправился в Ландсберг. Оттуда мы с отцом сразу же пошли по дороге пешком, но вскоре нас подвезли на автомобиле, что избавило моего старого отца от мучительной семимильной пешей прогулки. У нас были все основания бояться повторного ареста. Уже распространились слухи о расстрелах известных людей коммунистическими бандами. Самая известная из тех казней заложников имела место в Мюнхене, где революционное правительство приказало арестовать и казнить видных горожан без суда и следствия.

Мне никогда не забыть впечатлений тех бурных дней. Я всю свою жизнь провел среди рабочих. Мой отец работал вместе с ними в начале своей карьеры. Никогда рабочие наших заводов, даже коммунисты, не проявляли к нам никакой враждебности, тем более ненависти. Всеми беспорядками, всеми эксцессами мы почти неизменно были обязаны иностранцам.

Хамборн всегда был «самым красным» городом промышленного региона. Через несколько лет после революции Немецкая национальная народная партия, членом которой я был, пригласила меня на предвыборное собрание в эту коммунистическую цитадель. На всем пути нам встречались демонстрации против присутствия в Хамборне кандидата от реакционеров, что толпа считала провокацией. Из предосторожности я оставил свою машину на некотором расстоянии от места, где проводилось собрание. Партийный комитет весьма недалеко отсюда организовал предвыборное собрание в здании, обычно используемом коммунистами. Подойдя к дверям зала, я заметил на большинстве собравшихся коммунистические партийные значки. Атмосфера была наэлектризованной. Однако кандидата, произносившего речь, не прерывали. Затем отвечала оппозиция. Местный коммунистический лидер дал характеристику всем промышленникам региона. Я сидел в первом ряду, и он не мог не видеть меня. Говорил он резко. Я уж думал, что он набросится на меня и тем самым спровоцирует враждебные действия толпы, но ничего подобного не случилось.

В период кризиса, предшествовавший приходу Гитлера к власти, мне часто приходилось иметь дело с коммунистами, работавшими на наших заводах. Беседуя с ними, я понял, что многих из них подстегивает идеализм. Они верили в ту фальшивую доктрину, обещавшую пролетариату безоблачное счастье. Однако во время революции беспорядки провоцировали вовсе не местные рабочие. Организаторами забастовок и мятежей были профессиональные политические агитаторы, многие из которых состояли на службе у московских революционеров: именно они несут ответственность за мятежи и убийства. Социал-демократическая партия состояла из благоразумных и сдержанных людей. Когда в январе 1919 года забастовали шахтеры, я принял участие в переговорах с забастовщиками. Они понимали непростое поло-

жение промышленников, которые, со своей стороны, пытались сделать все возможное, дабы справиться с дефицитом продовольствия, возникшим из-за блокады союзных держав, выступавших против Германии. Мы пришли к соглашению и неуклонно придерживались бы его, если бы не вмешательство радикалов и анархистов, чьей единственной задачей в период кризиса было подстрекательство к беспорядкам.

Весь год (1918–1919) я чувствовал, что Германия катится к анархии. Забастовки следовали одна за другой, начинаясь без каких-либо причин и не приводя ни к каким результатам, поскольку пропитание работающего населения не зависело от хозяев заводов. Реорганизовать промышленное производство было невозможно. Добыча угля уменьшалась с каждым днем. Мы даже боялись, что саботажники могут уничтожить оборудование. Никто больше не был уверен в том, что останется на свободе или даже сохранит свою жизнь. Любого могли арестовать и расстрелять без всяких мотивов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.